

СИБИРСКАЯ ИППОКРЕНА В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

«Сибирские, или тобольские инкунабулы»

Предисловие

Первая русская печатная точно датированная книга «Апостол», как известно, создавалась Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем по велению царя Ивана Грозного и благословению митрополита Всея Руси Макария в 1563–1564 гг.

О необходимости печатать книги в Сибири первым заговорил митрополит Тобольский и всея Сибири Филофей Лещинский, в 1702 г. обратившийся к Петру I с прошением об открытии типографии в Тобольске. Петр I, однако, ответил митрополиту отказом. Первая печатная книга появилась в Сибири благодаря Екатерине II. Книга эта младше «Апостола» на 225 лет, а история первой сибирской типографии почти целиком укладывается в период между двумя указами Екатерины II: 1783 г. – об открытии вольных типографий и 1796 г. – об их закрытии. Начальный период сибирского книгопечатания, таким образом, – часть тех процессов, которые характерны для книгоиздания эпохи Просвещения, а точнее, века Екатерины, не раз воспетой высоким одическим стилем на страницах «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» [1].

*Счастливой зря свою судьбину,
Прославь, Сибирь, Екатерину,
Благуя матерь чад своих,*

– читаем, например, в январском выпуске журнала за 1790 г. [2].

Исследователи отечественного книгоиздания XVIII в. отмечают значительный рост числа напечатанных в этот период книг: в XVII в. это 750 наименований книг, в XVIII в. – 11 000 [3]. Важная черта эпохи – появление большого количества журналов различных видов: в жанре «Всякой всячины» Екатерины II, сатирических («Трутень»), научно-популярных («Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, искусствах и художествах») и т.д. Формируется особая издательская стратегия: выпускать книги и журналы для пользы и удовольствия читателей, их «полезного

увеселения». С таким заглавием М. М. Херасков издавал журнал в 1760–1762 гг. Один из первых частных журналов в России, в котором печатался, в частности, А. П. Сумароков, назывался «Праздное время, в пользу употребленное» (1759–1760).

Важную роль в формировании книжного репертуара играли переводные сочинения. В 1768 г. возникло «Общество, старающееся о переводе иностранных книг», выпустившее за годы своего существования 120 названий книг, в ряду которых – переводы Вольтера, Руссо, Гельвеция, Дидро, Д'Аламбера и др. Во второй половине XVIII в. особенно востребованы русской образованной публикой нравоучительные сочинения М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Ф. Фенелона и т. п. «Странствования Телемака» Фенелона в течение века издавались восемь раз. И. Г. Рахманинов предпринимает попытку, правда неудачную, издать собрание сочинений Вольтера в 20 томах. В 1794 г. было напечатано четыре тома, в результате чего Екатерина II издала указ о закрытии типографии И. Г. Рахманинова.

Читающая публика почувствовала вкус к романам: «за последние сорок лет XVIII века их было выпущено 800 названий» [4]. В формировании этого вкуса немалую роль сыграл роман французского писателя П. Тальмана, изданный в 1730 г. в переводе В. К. Третьяковского и получивший название «Езда в остров любви». В 1789 г., когда П. П. Сумароков получил разрешение Тобольской управы благочиния «выпустить в публику» «Училище любви», издание любовных романов в России было не только привычным, но и востребованным.

Даже при беглой характеристике книгоиздания XVIII в. трудно избежать слов «первый», «впервые». «В 1734 г. в Академической типографии была напечатана первая русская книга по изобразительному искусству – «Основательные правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству» И. Д. Прейслера». «В 1739 г. увидел свет первый русский учебник по общей физической географии – книга Г. В. Крафта «Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт» [5]. В 1794 г. в Перми опубликована первая русская книга по книгопечатанию: «Подробное описание типографских должностей» П. Е. Филиппова.

В 1780–1781 гг. Н. И. Новиков выпускает первый русский перевод книги Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел», сыгравшей немалую роль в истории превращения Иртыша в Иппокрену. В 1779 г. он издает первый в России женский журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». С 1785 г. по 1789 г. в России выходил первый детский журнал «Детское чтение для сердца и разума» [6].

Во второй половине XVIII в. в России открываются первые провинциальные типографии: в 1764–1765 гг. – в крепости св. Елизаветы, будущем Елисаветграде, в 1765 г. – в Астрахани и Кременчуге, в 1784-м – в Ка-

*Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная...
Издание типографии Корнильевых*

луге и Ярославле, в 1788-м – в Тамбове [7]. В этом же ряду – открытие в 1789 г. в Тобольске первой сибирской типографии.

Сегодня представляется бесспорным, что появление первой сибирской типографии и первых сибирских печатных книг было результатом счастливого стечения трех обстоятельств: деловой хватки, ума и таланта купцов В. Я. и Д. В. Корнильевых, творческой энергии и поэтического дара П. П. Сумарокова и открытия в Тобольске в марте 1789 г. Главного народного училища, преподаватели которого стали самыми активными сотрудниками журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Из всех этих обстоятельств трудно не сделать вывод о том, что почвой для рождения первых сибирских печатных книг стал союз образования, науки, поэзии и, говоря современным языком, бизнеса. Важно подчеркнуть, что союз этот был явно основан на любви – любви к книге.

Вместе с тем нельзя не вспомнить тот факт, что на звание первопечатной столицы Сибири могли бы претендовать два города: Тобольск и Иркутск. Известно, что вскоре после указа Екатерины II 1783 г. о вольных типографиях глава Иркутского наместничества генерал-поручик И. В. Якоби, как свидетельствуют документы, выписал из Петербурга печатных дел мастера, два печатных станка и основал типографию. Загадка

состоит в том, что следы ее деятельности до сих пор не обнаружены, так что звание первопечатной столицы Сибири принадлежит все-таки Тобольску [8].

Понятие «тобольские, или сибирские инкунабулы» условно, метафорично и обозначает книги и журналы, изданные в типографии Корнильевых.

Как известно, инкунабулами принято называть самые ранние европейские печатные книги, изданные до 31 декабря 1500 года. Латинское слово «incunabula» означает «исток», «колыбель», «начало», «раннее детство», «первые шаги». Инкунабулы, таким образом, напоминают нам о колыбели книгоиздания, его начальном периоде. Принято считать, что инкунабул существовало около 40 тысяч общим тиражом 12 млн экземпляров.

В России таких книг – в буквальном смысле – не было, ведь в нашей стране печатных дел мастера появляются почти век спустя после того, как Иоганн Гутенберг в 1450–1455 гг. напечатал свою 42-строчную «Библию». Однако подвиг Гутенберга в России эпохи Просвещения чтит и ценили. Так, в журнале И. И. Новикова «Живописец» можно было прочитать, как утверждает Е. Немировский, панегирик его великому изобретению: «Книгопечатание, сблизая века и земли, доставляя всем сведения о изобретенном и происшедшем, есть наивеличайшее из всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без одного определенной, и родить, так сказать, столь же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей. Печатание соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведения, чрез то очищает общество от заблуждений» [9].

При всей своей условности и метафоричности термин «сибирские, или тобольские инкунабулы» ценен тем, что позволяет обратиться к начальным временам сибирского книгопечатания, с благодарностью вспомнить первых и лучших – первопечатников земли сибирской и их книги, а также тех, кто внес наиболее существенный вклад в их осмысление.

В основе работы – принципы историзма и системности, структурно-типологический и контекстный анализ. Принципиальной для автора была мысль М. М. Бахтина о сущности понимания: «Оболочка души лишена самоценности и отдана на милость и милование другого. Несказанное ядро души может быть отражено только в зеркале абсолютного сочувствия» [10].

Примечания

1. В заглавии журнала слово «Ипокрена» пишется с одной буквой «п», в остальных случаях – в соответствии с современным правописанием, как «Иппокрена».

2. Трунин И. Ода Иртышу, превращающемся в Ипокрену // Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1790. Месяц январь. С. 39.
3. История книги / Под. ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М., 2001. С. 134, 166.
4. Там же. С. 168, 178–179.
5. Немировский Е. Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. М., 2010. С. 532–533; 543.
6. Там же. С. 539.
7. Там же. С. 539.
8. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 23–24.
9. Немировский Е. Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. М., 2010. С. 538.
10. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996. С. 9.

1. Типография Корнильевых: споры и факты

Спорным является вопрос о времени существования, то есть, собственно, «датах жизни» типографии Корнильевых.

П. А. Словцов, крупнейший сибирский историограф и едва ли не главный критик типографии в XIX в., в «Историческом обозрении Сибири» (ч. 1, 1838 г.) появление типографии связывает с 1784 г. «В 1784 г., как и в 1794-м, подгорная часть Тобольска вся почти затоплялась весеннею водою... В этом же году заведена Корнильевым типография», – пишет он [1]. Поскольку никаких других документов об этом неизвестно, никто из историков сибирских книг эту дату не принимает в расчет и годом открытия первой сибирской типографии признан 1789-й.

Последней из напечатанных Корнильевыми книг бесспорно признана трехчастная книга английского математика Г. Диттона «Истинна благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа, с математической точностью». Первые две части ее были изданы в 1804 г., третья – в 1805 г. Досадным недоразумением, видимо, является тот факт, что в авторитетнейших «Очерках истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» [2] время существования типографии Корнильевых обозначено цифрами 1789–1804 гг.

С. Н. Мамеев называет еще одну дату закрытия типографии Корнильевых – 1807 г. Объясняет он это тем, что в 1807 г. открылась, как он пишет, правительственная типография при Тобольском губернском правлении, что, с его точки зрения, и привело к закрытию типографии Корнильевых [3].

Итак, существование трех дат завершения деятельности первой сибирской типографии свидетельствует о том, что вопрос этот остается открытым и нуждается в дальнейшем исследовании. После 1805 г. Корнильевы книг действительно не издавали, однако немаловажен тот факт, что, помимо книг и журналов, они печатали указы и другие канцелярские бумаги для Тобольского наместнического правления, бланки для Иркутской почтовой конторы и т. п. В данном издании годами существования типографии Корнильевых приняты 1789–1805.

Открытие частной типографии в XVIII в. в России, а тем более в Сибири, было делом непростым. Известно, что первую попытку открытия сибирской типографии предпринял Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский, который еще в 1702 г. обратился к Петру I с челобитной, где просил царя «для детского учения завести друкарню, чтобы друковать буквари, часословы и псалтири». В царской грамоте митро-

политу от 1 марта 1703 г. повелевалось «друкарне в Тобольску не быть и какие книги понадобятся и ему велеть покупать на Москве» [4]. В этом контексте нельзя не вспомнить слова А. И. Дмитриева-Мамонова о том, что «типографское дело долго не проникало в малопросвещенную Сибирь» [5], а на вопрос «почему?» возникает вполне однозначный ответ.

Первые печатные книги появились в Сибири благодаря Екатерине Великой, после ее указа от 15 января 1783 г. о вольном книгопечатании, дававшем право на создание частных типографий. Не случайно славословия Екатерине II нередко встречаются на страницах «Иртыша, превращающегося в Ипокрену». Так, в «Оде, сочиненной и говоренной при открытом испытании Тобольского главного народного училища, 4-го класса учеником Иваном Труниным, декабря 29-го дня 1789 года» читаем:

*Мы видим, что ЕКАТЕРИНОЙ
Стал просвещенным сей народ.
Их благ виновницей единой
Введен наук здесь всякий род.
О коль внимания достойно,
Что толь они благоустройно
Сия Монархини рукой
Умножены и процветают,
Посредством оных обретают
Россияне уже век златой. [6]*

Подчеркнем, что начальный период сибирского книгопечатания – часть процессов, характерных для эпохи Просвещения, под знаком которого оно и пришло на сибирскую землю.

После указа Екатерины II 1783 г. в России открылось немало вольных типографий, одной из которых, в частности, была типография А. Н. Радищева, возникшая, как и тобольская, в 1789 г. Именно здесь, как известно, были напечатаны «Письмо другу, жителюствующему в Тобольске» и «Путешествие из Петербурга в Москву». Поэт и губернатор Г. Р. Державин в 1788 г. открывает типографию в Тамбове и выпускает первую в России провинциальную газету «Тамбовские известия». Петербургский издатель И. Г. Рахманинов также открывает типографию в 1788 г. и начинает выпускать журнал И. А. Крылова «Почта духов». В этом же ряду и открытие типографии Корнильевых.

В указе 1783 г. прописывался механизм открытия типографий, которые повелевалось не отличать от прочих фабрик и рукоделий. Заводить оные типографии разрешалось каждому, не требуя ни от кого дозволения, но при этом следовало «давать знать о заведении таковых в управе благочиния» (в полиции) города, в котором типографии открывались. Кроме

того, печатать книги разрешалось только после их освидетельствования в управе благочиния, которая должна была дать заключение, что в них нет ничего противного законам божеским и гражданским [7].

Тобольский купец 1-й гильдии Василий Яковлевич Корнильев открыл типографию в полном соответствии с указом 1783 г. Он обратился в Тобольскую управу благочиния с просьбой повелеть напечатать и «выпустить в публику» английскую повесть «Училище любви». Управа благочиния, в свою очередь, обратилась в духовную консисторию к отцу архимандриту и ректору Геннадию, который свидетельствовал, что в «Училище любви» «никакого касательно до Божества противоречия не оказалось», а также «ничего в противность государственным узаконениям не найдено».

В результате всех этих событий 5 апреля 1789 г. появился указ Тобольского наместнического правления № 6476, в котором всем присутственным местам и учреждениям наместничества объявлялось об открытии типографии. Указ был напечатан В. Я. Корнильевым и считается первым оттиском сибирского печатного станка [8].

Сибирский первопечатник Василий Яковлевич Корнильев (умер в 1795 г., дата рождения неизвестна) – самый удачливый из детей купца Якова Григорьевича Корнильева, основателя купеческой династии, восходящей к XVII веку. Занимался хлебной торговлей, казенными поставками вина, был хозяином бумажной фабрики и салотопенного завода, поставлял сало не только в Москву и Санкт-Петербург, но и за границу, торговал китайским серебром. Слыл библиофилом, в его доме в Тобольске была одна из самых больших в городе библиотек. Правнуком В. Я. Корнильева был великий русский ученый Д. И. Менделеев, родившийся в Тобольске в 1843 г. Следует подчеркнуть, что сведения о жизни и деятельности В. Я. Корнильева нередко противоречивы, а его биография нуждается в дальнейшем исследовании. В работе типографии важную роль играл сын В. Я. Корнильева Дмитрий Васильевич, которому, в частности, принадлежит идея создания (и авторство, он – автор-составитель) «Исторического журнала, или Собрания из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» (1790).

Днем рождения первой сибирской типографии является, таким образом, 5 апреля 1789 г., дата появления первого тобольского печатного оттиска.

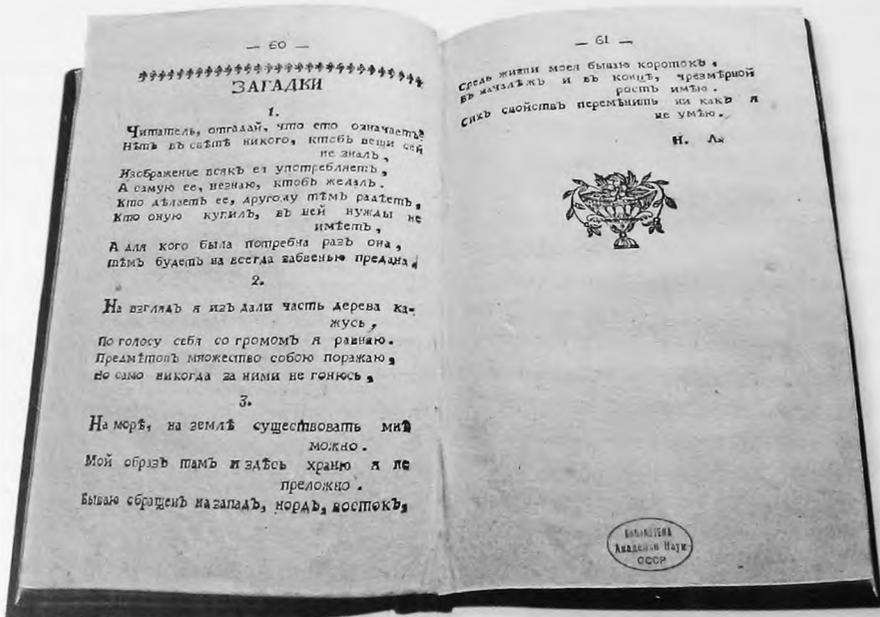
С апреля 1789 г. Корнильевы, как утверждает С. Н. Мамеев, стали печатать также за 50 рублей в месяц все указы Тобольского наместнического правления, в результате чего были уволены все писцы, занимавшиеся перепиской указов, а также 30 человек канцелярских служащих. Корнильевы печатали не только тобольские указы, но и, например, иркутские. Так, «в 1793 г. Иркутская почтовая контора просила отпечатать для нее по данному образцу 200 экз. бланков на отправление почт» [9].

Связано это было, в частности, с тем, что Корнильевы владели не только типографией, но и бумажной фабрикой. Фабрику эту, находившуюся недалеко от Тобольска, в 1751 г. открыли купцы Медведевы. Половину фабрики, как утверждает С. Н. Мамеев, В. Я. Корнильев приобрел в 1778 г. В 1793 г. вся фабрика целиком перешла в его владение. При ней состояло «26 мужского и 26 женского пола душ». Фабрика вместе с людьми была приобретена Корнильевым за 13 750 рублей. Продавалась бумага Корнильевых прежде всего «в присутственные места Тобольского наместничества по контрактам», вместе с тем купить ее можно было в других городах Сибири. Книги и журналы в типографии Корнильевых также печатались на этой бумаге: на ней, в силу соответствующего сенатского указа, ставились «водяные знаки: вверху листа – год изготовления, а по середине его – буквы Т.Ф.В.К., означающие «Тобольского фабриканта Василия Корнильева» [10].

Известно, что в конце XVIII в. в России выпускалась бумага более 20 сортов: пергаментная, александрийская и полуалександрийская, библейская, веленевая, голландская, нотная, почтовая, карточная, цветная, обойная, гербовая, альбомная, писчая и др. Существовала особая несгорае-

Пример оформления книг типографии Корнильевых

мая бумага, которая использовалась для печати самых ценных рукописей. В процессе изготовления она пропитывалась специальным раствором поваренной соли и квасцов. На бумажной фабрике Корнильева изготавливали три сорта бумаги: картузную, писчую и полуалександрийскую. Для изготовления бумаги, как и везде, использовали хлопчатобумажное и льняное сырье – обычное тряпье, которое собирали у населения. Льняное тряпье использовали для получения более «высоких» сортов бумаги.

Писчая бумага является старейшим сортом бумаги. Она была очень прочной и использовалась для писания, рисования, черчения, печатания и т. п. Особенность ее была в том, что буквы, написанные на ней чернилами, не расплывались и не проходили на другую сторону листа. Объяснялось это тем, что в процессе производства в нее добавляли растворенный растительный клей. По цвету писчая бумага была обычно серой или голубой, реже – белой. В корнильевских книгах, при создании которых использовался именно этот сорт бумаги, можно встретить бумагу всех трех цветов, иногда – в пределах одного издания.

Картузная бумага (от итал. *cartoceio* – сверток, кулек) – это оберточная, простая толстая бумага.

Александрийская бумага, как и полуалександрийская, – один из старейших сортов бумаги. Считается, что в древности ее изготавливали в Александрии, в Египте. Это высококачественный сорт бумаги, в издательском деле ее использовали для печати дорогих и ценных книг, например, «Евангелия».

Об особенностях полиграфии корнильевских книг пишет В. Н. Волкова: «В типографии Корнильевых было 2 печатных станка со всеми принадлежностями. Шрифты отливались в собственной словолитне. Первоначально был закуплен только гражданский шрифт, позднее – латинский, что расширило возможности типографии» [11]. «Преобладающим форматом книг, – отмечает она, – был 8⁰ (1/8 доля листа), наиболее распространенный на всей территории России. Однако печатались и крупноформатные: в 1/4 долю листа и малоформатные – в 1/12». «Училище любви» и «Емилия», например, печатались в 1/8 долю листа, «Иртыш» – в 1/8. «Титульные листы оформлялись с помощью разного рода шрифтов. Для выделения заголовков, подзаголовков, концовок, разделов внутри текста использовались простые разделительные линейки, наборные украшения в виде сочетаний цветов, звездочек, линеек. Иллюстраций тобольские издания, кроме редких случаев, не имели. Цельнобумажные переплеты книг были немymi» [12].

Самый продуктивный период в истории типографии Корнильевых длился с 1789 г. по 1794 г. В 1789–1791 гг. вышло в свет 24 номера журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». В 1791 г. – «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увесели-

тельных повестей и анекдотов». В 1793–1794 гг. – 12 номеров «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Кроме того, ежегодно печатались книги от одного до трех наименований. Следующие девять лет (1795–1803) книги и журналы в типографии не издавались. Исследователи называют множество причин закрытия типографии. В 1795 г. умирает В. Я. Корнильев, а из Тобольска уезжает губернатор А. В. Алябьев, покровительствовавший печатному делу. В 1796 г. выходит указ Екатерины II о закрытии вольных типографий.

Следует отметить, что судьба типографии в 1795–1803 гг., когда она после смерти В. Я. Корнильева досталась в наследство его сыновьям Дмитрию и Якову, мало изучена и противоречиво толкуется исследователями [13].

Возобновление работы типографии и выпуск книги Г. Диттона в 1804–1805 гг. обычно связывают с указом Александра I от 9 февраля 1802 г., который во многом повторял указ Екатерины II 1783 г. и вновь разрешал открытие вольных (частных) типографий.

Примечания

1. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 270.

2. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 28, 315.

3. Мамеев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. I / Сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 2004. С. 332.

4. Там же. С. 325–326.

5. Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Спб., 1900. С. 2–3.

6. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1789. Декабрь. С. 60.

7. Текст указа Екатерины II от 15 января 1783 г.: *«Всемиловнейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем, как в обеих Столицах Наших, так и во всех городах Империи Нашей, каждому по своей воле заводить типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе Благодичиния того города, где он ту типографию хочет иметь. В сих типографиях печатать книги на российском и иностранных языках, не исключая и восточных, с наблюдением однако ж, чтоб ничего в них противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося, издаваемо не было; чего ради от Управы Благодичиния отдаваемые в печать книги свидетельствовать и ежели что в них противное Нашему предписанию явится, запрещать; а в случае само-*

вольного напечатывания таковых соблазнительных книг, не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг, сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были». Цит. по книге: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. URL: http://evartist.narod.ru/text9/36.htm#з_03 (дата обращения 11.11.2014).

8. Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Спб., 1900. С. 2–3.

9. Мамеев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. I / Сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 2004. С. 327.

10. Там же. С. 323–325.

11. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 26.

12. Там же.

13. Коновалова Е. Н. Книга тобольской губернии. 1790–1917 гг. Сводный каталог местных изданий / Отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2006. С. 18–19.

2. «Тобольские инкунабулы»: время, место, число

Книги и журналы, изданные в типографии Корнильевых, давно стали библиографическими редкостями, раритетами, книжными сокровищами. Сегодня не существует какого-то одного места, где бы они хранились все вместе. Судя по самому полному на сегодняшний день «Сводному каталогу сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.» [1], где собраны данные из 77 библиотек России, издания типографии Корнильевых находятся в 10 библиотеках страны:

1. Российская государственная библиотека (РГБ);
2. Российская национальная библиотека (РНБ);
3. Библиотека Российской академии наук (БАН);
4. Научная библиотека Томского государственного университета;
5. Научная библиотека Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника;
6. Научная библиотека Музейного комплекса им. И. Я. Слоцова (Тюмень);
7. Красноярская краевая универсальная научная библиотека;
8. Научная библиотека Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева;
9. Научная библиотека Иркутского государственного университета;
10. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия).

При всей внушительности список этот неполон. Он не включает Государственную публичную историческую библиотеку (ГПИБ) и Библиотеку МГУ им. М. В. Ломоносова, где, по данным «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800», также хранятся книги и журналы, изданные Корнильевыми.

В этом ряду стоит отметить библиотеку Российской академии наук, где две изданные Корнильевыми книги («Училище любви» и «Емилия») сохранились в единственном в России экземпляре. Вполне вероятно, что число 12 – двенадцать библиотек России, где находятся корнильевские издания, – также не является окончательным.

В условиях разрозненного существования корнильевских книг и журналов задача собрать их воедино и дать им новую жизнь в электронной форме предстает как важнейшая культурная миссия современных исследователей и издателей.

Еще одна проблема современного книговедения связана с ответом на вопрос, сколько же всего книг и журналов было издано в Тобольске в 1789–1805 гг. и сколько из них дошло до нас? За 225 лет их существова-

ния на этот вроде бы простой вопрос возникло множество ответов, причем единой точки зрения на сегодняшний день не существует.

С. Н. Мамеев называет следующие цифры: «В типографии печаталось три журнала и девять других разных сочинений в объеме 49 томов и в количестве приблизительно до 14 500 экземпляров» [2]. Некто Тоболяк в цикле публикаций («Сибирский вестник», 1889) «Столетие сибирской печати» пишет о трех журналах и семи книгах, изданных Корнильевыми [3].

А. И. Дмитриев-Мамонов в работе «Начало печати в Сибири» (1900), которую не раз цитировали исследователи в XX в., активно используя изложенный в ней материал, говорит о трех журналах и «восьми сочинениях»: семи книгах, изданных в 1789–1795 г., включая «Училище любви» 1789 г., и одной книге (в 3-х т.), изданной в 1804 г. [4].

В 1964 г., во втором томе «Сводного каталога русской книги гражданской печати. 1725–1800» за № 3145 была помещена информация о ч. 1 «Исторического журнала, или Собрания из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» Д. Корнильева. Это означало, что «Исторический журнал» лишился статуса журнала, иначе он должен был быть включен в том IV указанного каталога, посвященного «Периодическим и продолжающимся изданиям». Составители каталога назвали «Исторический журнал» сборником и тем самым изменили число журналов, издаваемых Корнильевыми [5]. Результат не замедлил последовать. Так, в 2000 г., в «Очерках истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока», сказано: «За первый и наиболее продуктивный период существования типографии Корнильевых (1789–1794) в ней вышло 14 книг и 2 журнала (36 номеров)» [6]. «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.» также рассматривает «Исторический журнал» Д. Корнильева в ряду книг-сборников, а не журналов [7].

Подводя итог, отметим, что в современной науке дискуссионными и малоисследованными являются вопросы о том, журнал или сборник «Исторический журнал» Д. Корнильева и сколько выпусков этого издания вышло в свет (один или два?): А. И. Дмитриев-Мамонов пишет о двух частях журнального издания, появившихся в 1790 г.

Подчеркнем, что в данном издании «Исторический журнал» Д. Корнильева рассматривается именно как журнал, причем журнал особого типа, нуждающийся в более детальном осмыслении в системе русских журналов XVIII в.

Если «Исторический журнал» вызывает споры современных исследователей, то в отношении «Иртыша» и «Библиотеки ученой» они единодушны. «Иртыш» издавался в 1789 г. (4 выпуска за август – декабрь); 1790 г. (8 выпусков за январь – август); 1791 г. (12 выпусков за январь – декабрь) – всего вышло 24 номера журнала. «Библиотека ученая» выходила

в 1793 (ч. 1–6) – 1794 гг. (ч. 7–12). Всего, таким образом, вышло 12 номеров журнала. Общее число номеров журнальных изданий в типографии Корнильевых, таким образом – 36 (37?) – в зависимости от позиции исследователей по поводу «Исторического журнала».

В вопросе о количестве книжных изданий, напечатанных в типографии Корнильевых, исследователи существенно расходятся.

– С. Н. Мамеев – 9 книг (+3 журнала).

– А. И. Дмитриев-Мамонов – 8 книг (10 томов, включая 3 тома Диттона) (+3 журнала).

– Тобольск – 7 книг (+3 журнала).

– «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» – 15 названий книг / 17 томов, включая 3 т. Диттона (+2 журнала).

– Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725–1800» – 11 наименований книг / 12 изданий, включая 2 издания «Училище любви» 1790 и 1791 г. / 15 изданий, включая 3 т. Диттона (+2 журнала).

– «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.» – 17 изданий, включая «Исторический журнал» (+2 журнала).

Сопоставительный анализ всех источников позволяет сделать следующий вывод. В библиотеках России сегодня находится 11 наименований книг (13 томов, считая 3 т. Диттона) и 3 журнала, изданных в Тобольске в 1789–1805 гг.

Список книг, изданных в типографии Корнильевых и хранящихся в российских библиотеках [8]

1. Петерсон И. Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушною язвою, с показанием простых и домашних врачебных средств от оной. Собранное из разных о сей болезни имеющих известий, Тобольскаго наместничества правящим должность доктора, коллежским ассессором, и штаб-лекарем Иваном Петерсоном. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1790. – 7, 46 с.; 4^о. – Тираж 300 экз. Напечатано на счет Тобольскаго приказа общественного призрения.

Книга хранится в Научной библиотеке Тобольскаго историко-архитектурного музея-заповедника, Российской национальной библиотеке и Библиотеке Российской академии наук.

2. Емилия: французская повесть / Перевела Соф. Сум...ва [Софья Сумарокова]. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1791. – 83 с.; 8^о. – В конце посвящения Марье Ивановне Сумароковой подпись: Соф. Сум...ва.

Книга хранится в Библиотеке Российской академии наук.

3. Ланганс Ф. Словарь юридической, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку: С прибавлением, против напечатанного в Университете, трех годов и имянно: 788, 789 и 790. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1791. – 210, 12 с.; 4^о.

Книга хранится в Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Красноярской краевой универсальной научной библиотеке, Российской национальной библиотеке и Библиотеке Российской академии наук.

4. Училище любви: англинская повесть / Перевел с французского П[анкратий] С[умароков]. Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1791. – 142 с.; 8^о.

Книга хранится в Библиотеке Российской академии наук.

5. Варлаам (Петров). Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирскаго государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах; и кто они имянно, и в каких городах были; и кто какой город строил, и когда: Писанное в Тобольском доме архиерейском, 1791 года. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1792. – 84 с.: 4^о.

Книга хранится в Научной библиотеке Томского государственного университета, Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Красноярской краевой универсальной научной библиотеке, Научной библиотеке Иркутского государственного университета, Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке.

6. Паллас П. С. Описание растений Российскаго государства / изданное П. С. Палласом; Печатано с дозволения Управы Благочиния; Перевод с латинскаго В. Ф. Зуева. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1792. – VI, 2, 233 с.; 4^о. Издание без таблиц и соответствующих им иностранных наименований растений в тексте.

Книга хранится в Научной библиотеке Томского государственного университета, Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия), Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке и Библиотеке Российской академии наук.

7. Трунин И. Ода на новый 1793 год / Сочиненная Артиллерии второго канонирскаго полку сержантом Иваном Труниным. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, [1793]. – 11 с.; 4^о.

Книга хранится в Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, Библиотеке Российской академии наук и Государственной публичной исторической библиотеке.

8. Воскресенский Т. Слово о пользе физики, говоренное во время открытаго учителя в Тобольском гласном народном училище, высших классов учителем Тимофеем Воскресенским: 1793 года июля 12 дня. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, [1794]. – 28, [1] с.; 8^о.

Книга хранится в Российской национальной библиотеке и Государственной публичной исторической библиотеке.

9. Петерсон И. Краткое наставление как вспомошествовать тем, кои от насильственных или внезапных случаев приходят в такое положение,

что уже мертвыми кажутся / Изданное Тобольского наместничества правящим должностью доктора, штаб-лекарем, коллежским ассессором Иваном Петерсоном; Печатано с дозволения Управы Благодичиния в Тобольске. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1794. – 17, 190 с.; 12^о. – Тираж 300 экз. Напечатано за счет Тобольского приказа общественного призрения.

Книги рассылались во все уезды Тобольского наместничества с предписанием городничим, комендантам и капитан-исправникам направить по одному экземпляру «Наставления» во все государственные учреждения, а также продавать «вольно-желающим».

Книга хранится в Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Научной библиотеке Тюменского областного краеведческого музея, Красноярской краевой универсальной научной библиотеке и Библиотеке Российской академии наук.

10. Шукшин Н. Нужнейшая экономическая записки для крестьян, содержащая в себе подробныя наставления о производстве хлебопашества, и разные другие к сельской экономии принадлежащие предметы, собранные из разных экономических сочинений Николаем Шукшиным. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1794. – 2, 309, 2 с.; 4^о. – Тираж 300 экз. Издано на средства Тобольского приказа общественного призрения.

Книга хранится в Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и Научной библиотеке Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева.

11. Диттон Г. Истинна благочестия христианскаго, доказанная воскресением Иисуса Христа, с математическою точностию: В 3 ч. / Соч. знаменитаго англ. математика Гумфреда Диттона; Пер. с нем. Тобол. архиеп. Антония Знаменскаго. – Ч. 1. Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1804. – 6, XXV, 3, 134, 2 с.; Ч. 2. Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1804. – 208 с.; Ч. 3. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1805. – 383, 1 с.

Книга хранится в Научной библиотеке Томского государственного университета, Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Красноярской краевой универсальной научной библиотеке, Научной библиотеке Иркутского государственного университета, Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке.

Разыскиваемые издания типографии Корнильевых

Четыре издания из 15 (17), названных «Сводным каталогом сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.», нуждаются в специальных комментариях.

1. Ахвердов Н. А. Волк-судья, или Наказанные злость и невежество: Басня: Сатира в стихах на пред. Колыван. палаты уголов. суда С. В. Шалимова. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1790.

Факт местонахождения издания в библиотеках России не установлен, о его существовании, по данным «Сводного каталога сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.», свидетельствует книга «Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период» (Новосибирск, 1982, с. 117).

Кроме того, важен тот факт, что книга является оттиском из журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1790, № 3, март). Все это позволяет нам включить его в список разыскиваемых изданий типографии Корнильевых.

2. Училище любви: англинская повесть / Перевел с французского П[анкратий] С[умароков]. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1790.

В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» (т. 6) информация об издании помещена в разделе «Разыскиваемые издания русских книг гражданской печати XVIII века», суть ее в том, что данная книга «не была обнаружена», так что мы вновь включаем ее в список разыскиваемых изданий типографии Корнильевых. К числу разыскиваемых изданий следует также отнести книгу «Училище любви», изданную, по свидетельству А. И. Дмитриева-Мамонова, в 1789 г.

3. Петерсон И. Краткое описание, составленное из разных известий для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреною или воздушною язвою. Сочинение, напечатанное с дозволения Тобольской Управы Благочиния на средства Тобольского приказа общественного призрения. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1791.

По данным «Сводного каталога сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.», информация об издании получена из книги А. И. Дмитриева-Мамонова «Начало печати в Сибири». Факт ее существования в библиотеках России не обнаружен, книга включается в список разыскиваемых изданий типографии Корнильевых.

4. Корнильев Д. Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Ч. 1–2. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1790.

В список спорных = разыскиваемых книг из типографии Корнильевых издание, как было сказано выше, сегодня следует включить.

Журналы, изданные в типографии Корнильевых и хранящиеся в российских библиотеках [9]

1. Иртыш, превращающийся в Ипокрену, ежемесячное сочинение, издаваемое от Тобольскаго главного народного училища. 1789–1791 года. Тобольск, тип. В. Корнильева, [1790–1791]. 8°.

1789. Месяц сентябрь [7], 61 с.

Месяц октябрь [3], 65 с.

- Месяц ноябрь [3], 64 с.
Месяц декабрь [3], 63 с.
1790. Месяц январь [4], 63, [2] с.
Месяц февраль [3], 59, [2] с.
Месяц март [3], 64, [1] с.
Месяц апрель [3], 60, [1] с.
Месяц май [3], 64, [1] с.
Месяц июнь [3], 64, [1] с.
Месяц июль [3], 60, [1] с.
Месяц август [3], 63, [2] с.
1791. Месяц январь [3], 64, [1] с.
Месяц февраль [3], 51, [1] с.
Месяц март [3], 52 с.
Месяц апрель [3], 56 с.
Месяц май [3], 67 с.
Месяц июнь [3], 63 с.
Месяц июль [3], 61 с.
Месяц август [3], 55 с.
Месяц сентябрь [3], 59 с.
Месяц октябрь [3], 44 с.
Месяц ноябрь [3], 50 с.
Месяц декабрь [3], 47 с.; 1 л. черт.

«Издавался на средства Тобольского приказа общественного призрения, за исключением первых четырех номеров, напечатанных на средства В. Корнильева. Всего вышло 24 выпуска.

Литературная традиция приписывает П. П. Сумарокову инициативу создания и фактическую редакцию «Иртыша». Существует также точка зрения, что П. П. Сумароков был только одним из сотрудников журнала, а редакцию осуществляла группа учителей Тобольского народного училища (Т. М. Воскресенский, И. Б. Лафинов, И. А. Набережнин и В. Прутковский), принимавшая активное участие в издании «Иртыша» и получившая 120 рублей за первые четыре месяца его издания.

Тираж журнала (300 экземпляров) распространялся плохо, несмотря на то, что правителем Тобольского наместничества А. В. Алябьевым принимались деятельные меры к его распространению. По подписке в 1789–1790 гг. расходилось 186, в 1791 г. – 106 экземпляров. Нераспроданные номера по распоряжению А. В. Алябьева раздавались в награду ученикам Тобольского народного училища.

В журнале, кроме упомянутых выше лиц, сотрудничали прокурор И. И. Бахтин, учитель Иркутского училища С. Белшев, сержант гвардии А. Боувер, ассессор Экспедиции горных дел А. Н. Гладков, кадет Д. Дягилев, М. А. Пушкин, Н. П. Сумарокова, ученик Тобольского училища И. Трунин

и другие. Некоторые исследователи предполагают, что в «Иртыше» принимал участие А. Н. Радищев, живший с декабря 1790 г. по 30 июля 1791 г. в Тобольске».

Журнал хранится в Российской государственной библиотеке, Библиотеке Российской академии наук, Российской национальной библиотеке, Библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова, Государственной публичной исторической библиотеке и Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

2. Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Ч. 1. Тобольск, тип. В. Корнильева, 1790. 8^о.

Ч. 1. [8]. 88 с.

«В конце посвящения подпись составителя сборника: “Д. Корнильев”».

Журнал хранится в Российской государственной библиотеке, Библиотеке Российской академии наук и Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

3. Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Ч. 1–12. Тобольск, тип. В. Корнильева, 1793–1794. 8^о.

Ч. 1. 1793. 268, [3] с.; 1 л. илл., 1 л. табл.

Ч. 2. 1793. 248, [7] с.; 1 л. илл.

Ч. 3. 1793. 324, [4] с.

Ч. 4. 1793. 304, [4] с.; 1 л. илл.

Ч. 5. 1793. 261, [3] с.; 1 л. табл.

Ч. 6. 1793. 261, [3] с.; 4 л. черт.

Ч. 7. 1794. 298, [4] с.

Ч. 8. 1794. 238, [2] с.

Ч. 9. 1794. 252, [2] с.

Ч. 10. 1794. 232, [2] с.

Ч. 11. 1794. 207, [2] с.

Ч. 12. 1794. 216, [2], [12], [3] с.

«Журнал издавался под редакцией П. П. Сумарокова на средства Тобольского приказа общественного призрения. Первое объявление о подписке напечатано в № 69 «Спб. Ведомостей» от 27.VIII 1792 г. и в № 91 «Моск. ведомостей» от 13.XI 1792 г.

Тираж журнала был установлен 300 экземпляров. «Библиотека» расходилась плохо; небольшое число подписчиков (112 человек, о чем свидетельствует напечатанный в последней книжке список подписчиков) не оправдывало ее издания, и выпуск 12 номеров «Библиотеки» растянулся на два года. Журнал не распродавался в течение многих лет; в 1823 г. делались попытки к продаже его по сниженным ценам.

Почти все статьи напечатаны анонимно. Много места занимают переводы из произведений Ф. Бэкона, Ж.-Л. Бюффона, Ф. М. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и статей из английского журнала «The Spectator» и других иностранных изданий.

Большинство анонимных переводов и сочинений, по-видимому, принадлежат П. П. Сумарокову».

Если подводить итог по вопросу о числе изданий, опубликованных Корнильевыми и хранящихся к 2014 г. в библиотеках России, то эти цифры следующие:

Число наименований книг – 11.

Число наименований журналов – 3.

Всего наименований изданий – 14.

Число томов книг – 13.

Число номеров журналов – $24+12+1=37$.

Всего томов – 50.

Примечания

1. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. В 3 т. / Сост. Р. Е. Павлова. Науч. ред. Е. Б. Соболева. Т. I. 1790–1900. Новосибирск, 2004. С. 12–13.

2. Мамеев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. 1. / Сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 2004. С. 333.

3. Тобольск. Столетие сибирской печати // Российская провинциальная частная газета / Сост. Л. Е. Кройчик; под ред. Л. Е. Кройчика и Ю. Л. Мандрики. Тюмень, 2004. С. 352–353.

4. Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Спб., 1900.

5. Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725–1800. Т. 2. М., 1964. С. 69.

6. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Новосибирск, 2000. С. 28.

7. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. В 3 т. / Сост. Р. Е. Павлова. Науч. ред. Е. Б. Соболева. Т. I. 1790–1900. Новосибирск, 2004. С. 12.

8. За основу взяты библиографические описания и комментарии из «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» (Т. 1–6. М., 1962–1975).

9. Там же.

3. «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» как мироустроительный миф

«Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789–1791) – первое сибирское печатное издание – существует в русской культуре уже 225 лет. За это время он стал значимой темой мысли историков литературы, журналистики и издательского дела [1]. Однако, как ни парадоксально, исследователи фактически не предпринимали попытки интерпретации журнала в связи с его заглавием, которое, как известно, является ключом к толкованию смысла и текста, и издания. Тем более странно, что объектом исследования не становилось понятие превращений/метаморфоз, одно из самых значимых в европейской культурной традиции. В значительной степени это объясняется тем, что исследователи занимались прежде всего, если не исключительно, имманентным анализом издания (структура, авторы, жанры, литературное направление и тип культуры и т. п.), не обращаясь к его контекстному изучению.

В работе предпринята попытка реконструировать смысл заглавия журнала прежде всего с точки зрения его историко-культурного контекста. Ключевой для нее является связь трех тем/образов: книги – реки – метаморфозы.

3.1. Книги – реки

Связь «книг» и «рек» в русской культуре возникла, очевидно, в «Повести временных лет» (ок. 1113 г.), когда летописец Нестор написал о книгах: «Се бо суть рѣкы, напаяюще вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина» [2]. В этом контексте ситуация, когда книга («Иртыш») названа именем реки, приобретает вполне конкретный смысл. Вопрос о том, осознавали ли это в Тобольске в 1789 г., придумывая название журналу, в данном случае некорректен, так как речь идет о самом факте существования объективной культурной традиции.

Мысль летописца соединяет книги, реки и вселенную. Важнейшая для европейской культурной традиции метафора мир как книга / книга как мир приобретает здесь новый смысл, связанный с тем, что река с мифологической точки зрения есть не что иное, как «стержень» вселенной, мировой путь, мироустроющее начало [3]. Всеми этими смыслами, по сути, наделяется и книга, в том числе и книга «Иртыш».

С современной точки зрения, летописец актуализирует еще одну тему русской мысли – тему сакрализации реки, сакральной топо- и географии. Парадоксально, но тема эта – одна из актуальных в иеротопии,

новой науке о сакральных пространствах. В формуле «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» сакральным является не только древнегреческий образ источника вдохновения, возникшего от удара копыта Пегаса на горе муз Геликон, но и образ Иртыша. Оба они – части единого сакрального пространства, ключ к пониманию которого – мотив метаморфоз.

Представление об Иртыше в русской литературе рубежа XVIII–XIX в. соответствует этимологии топонима (от иранского «ирсес» / «ирчес» / «ирцис» – «бурная река») и связано обычно с образом Ермака (И. И. Дмитриев, К. Ф. Рылеев и др.)

*Я зрю Иртыш: крутит, сверкает,
Шумит и пеной подмывает
Высокий берег и крутой. [4]*

Создатели журнала включают «Иртыш» в контекст античной культуры, древнегреческой и древнеримской мифологии, сакрализуют образ сибирской реки, создают миф «Иртыша». Проследить это можно, в частности, на основе цикла материалов, представляющих переписку «реки Муар» и «Иртыша, превращающегося в Ипокрену». Материалы представлены в трех номерах журнала: за март и август 1790 г. и август 1791 г.

В мартовском номере 1790 г. публикации басни «Волк-судья, или Наказанные злость и невежество», автор которой не указан, предпослан текст, озаглавленный «От реки Муар к Иртышу, превращающемуся в Ипокрену» [5].

Прием этот характерен для журнала: письма авторов как своего рода комментарии-предисловия нередко предваряют публикации. В данном случае необычность ситуации связана с тем, что в переписку с «Иртышем» вступает «река Муар». К сожалению, в ряду сибирских рек нам не удалось обнаружить реки с таким заглавием. Известно, что река Муар есть в Малайзии, в России же словом «муар» называют или французский шелк, ткань с особыми переливами, или особый сорт бумаги – с тисненым узором. Если неизвестный автор басни разбирался в бумаге: муар – бумага – река Муар – бумажная река, в чем усомниться трудно, то переписка Муара с Иртышом приобретает вполне конкретный смысл: речь идет о силе и власти печатного слова. Тот факт, что басня о волке-судье, представляющая собой сатиру в стихах на председателя Колыванской палаты уголовного суда С. В. Шалимова, была опубликована в виде отдельного оттиска журнала под именем Н. А. Ахвердова, вице-губернатора Колыванского наместничества, почти не меняет сути ситуации. В журнальной переписке Муара и Иртыша имена авторов нигде не указаны.

В первом письме, предваряющем басню о наказанных злости и невежестве, «река Муар» заявляет о своем желании вслед за Иртышом самой превратиться в Ипокрену. «Ты превращаешься в Ипокрену, следовательно

но, стараешься соделаться угодным Музам и Минерве нашей, стремишься разгонять тьму невежества, искоренять жестокие его исчадья, грубость и злобу в окрестностях твоих» – так Муар понимает превращение Иртыша в Ипокрену, заявляя при этом, что невежество и жестокосердие, столь долго его берега отягощавшие, «и ныне печалить их не вовсе перестали», в подтверждение чего и публикуется басня.

В августовском выпуске «Иртыша» за 1790 г. появляется «Эпитафия» волку-судье, в которой, в частности, говорится:

*Но ты, прохожий, стой!
На прах, что под тобой,
Хоть каплю слез пролей:
О добрых не грусти, о злых
жалеть умей.*

«Любезным обитателям Муара» напоминают, что «воспоминание о пороке нужно для того только, чтобы не быть порочным» [6].

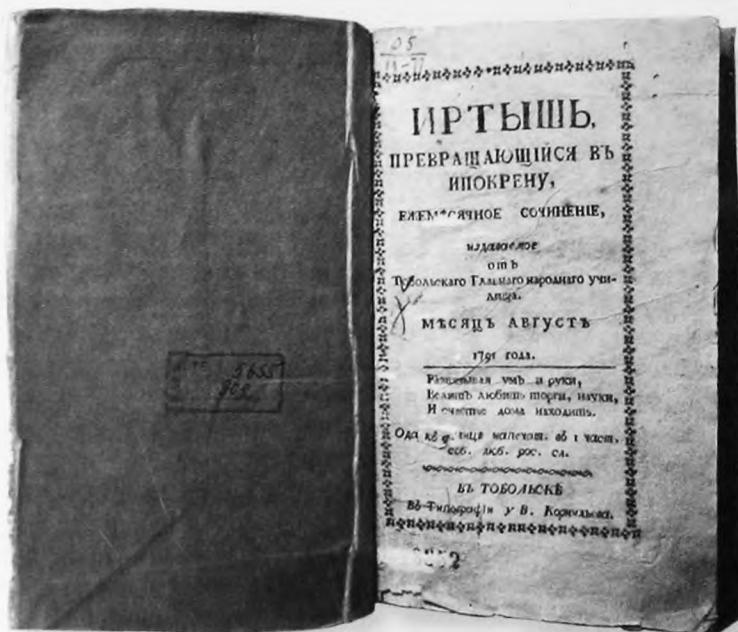
Спустя год, в августовском выпуске за 1791 г., теперь уже в собственном материале, журнал вновь обращается к теме волка-судьи, превратившегося в местного вампира:

*Я слышу, друг Муар, шальной и
мерзкий волк,
Который злобен был, невежа,
кривотолк,
На двери удавился
И Епитафией почтен,
От смерти свободен,
Опять на свет явился,
Шалит и по ночам
Иль тень его, иль сам
Трусливых устрашает,
Что ужас, вопль и страх
Уж снова обитают
Днесь на твоих берегах!
Я в горестях твоих участие принимаю,
Я жителям твоим совет здесь прилагаю.
Вы книгу древности, Муарцы, разогните
И вместо жалобы и страхов бесполезных
Последуйте во всем преданиям вы древних:
Как петухи вспоют и солнце озарит
То место, где шалун ваш волк лежит,*

*Скорее вы туда с лопатами спешите
И, вырыв, поверните
Его на мерзку ниц личину,
Потом
Заостренным осиновым колом
К земле прибейте в спину. [7]*

Подводя итоги переписки Муара и Иртыша, следует, очевидно, сделать вывод о том, что переписка эта не только расширяет пространство мифа реки-книги с ее мироустроительной ролью, но и формирует представление о роли книги в обществе. Роль эта, очевидно, заключается не только в том, чтобы отражать жизнь, показывая, что происходит вокруг, но и прежде всего в том, чтобы преобразовать ее, делать лучше. С этой точки зрения важна оценка «Иртыша», которую дает в своем «историческом обозрении Сибири» П. А. Словцов: «Вместо того, чтобы заняться сообщением современных в Сибири происшествий, изложением местных исторических отрывков или описаний торговли, хлебопашества и вообще хозяйственного быта, издатели пустились обезьянничать в словесности и поэзии пошлой». «Не Иппокрена ли превращалась в Иртыш?», – задает П. А. Словцов риторический, с его точки зрения, вопрос [8].

Первый сибирский журнал

На фоне позиции историографа П. А. Словцова яснее становится позиция издателей «Иртыша»: истории они противопоставляют поэзию, реальному факту предпочитают сакральное пространство мифа, локальному – всеобщее. Следует также отметить, что идея издателей о книге-реке, преобразующей жизнь, есть не что иное, как сибирская версия одной из величайших русских идей, в теоретическом осмыслении русских философов рубежа XIX–XX вв. (Вл. Соловьев, Н. Федоров, С. Булгаков, Н. Бердяев, И. Ильин и др.) предстающей как идея об искусстве как теургии. Так, Вл. Соловьев в статье «Общий смысл искусства» (1890) пишет о том, что задача искусства – «претворять неидеальную действительность в идеальную», «одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [9].

Мифологизация и сакрализация книги-реки под названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» становится особенно понятной на фоне книг о реках, которые во второй половине XIX в. издавались первым тюменским печатных дел мастером К. Н. Высоцким, открывшим в 1869 г. первую в городе типографию.

Книги о путешествиях и карты-дорожники, изданные им, стали результатом сотрудничества издателя с И. И. Игнатовым, крупнейшим тюменским пароходоладельцем:

1. Павлов А. А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Тип. К. Н. Высоцкого, 1878.

2. Карта-дорожник по рекам Западной Сибири: Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи. Тюмень: Тип. К. Н. Высоцкого, 1880.

3. Движение пароходов товарищества «Курбатов и Игнатов» между Тюменью и Томском в 1892 году. Тюмень: Тип. К. Н. Высоцкого, 1892.

Книга А. А. Павлова, главная из них, возникла в результате экспедиции по сибирским рекам, организованной И. И. Игнатовым. Она включает «Исторический обзор Сибири» от Геродота и гипербореев до Ермака и заселения Сибири русскими, которое происходило прежде всего по рекам. Автор ставит задачу показать, «что представляет собой береговое население три века спустя после Ермака». Книга содержит бесценные наблюдения путешественника, который в течение нескольких месяцев плавания из Тюмени в Томск по Оби жил «между русскими, татарами, остяками и самоедами, аборигенами страны и пришельцами». А. А. Павлов, в частности, пишет: «Большинство пассажиров обского парохода, следующего из Тюмени в Томск, едут служить, искать счастья, наживы с непременным желанием вернуться в Европу. Пустынные берега Оби и Иртыша пугают. Холодно, сыро, безлюдно... Тяжело становится впечатлительной натуре человека, в первый раз знакомящегося с Сибирью» [10].

Цель книги, однако, не в том, чтобы запугать читателя картинами сибирской жизни, а в том, чтобы помочь ему понять подлинную – прекрасную – суть Сибири, которая открывается не сразу и только тем, для кого она становится родной и любимой землей. Карты-дорожники решали эту же задачу, только в сугубо прагматическом аспекте.

В книгах о реках, изданных К. Н. Высоцким, нет ни мифологизации, ни сакрализации сибирских рек, в том числе Иртыша, но в основе их – идея К. Н. Высоцкого о назначении издателя, призванного служить родной земле. Идеей этой он руководствовался в течение всей своей жизни тюменского Дон Кихота и правдоискателя.

3.2. Метаморфозы,

или Тобольск как мировой культурный перекресток

Заглавия литературных журналов в XVIII в. с современной точки зрения звучат достаточно необычно. Так, по инициативе М. В. Ломоносова Академией наук издавался журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Журнал М. М. Хераскова назывался «Полезное увеселение». Н. И. Новиков издавал «Трутень» и «Живописец», И. А. Крылов – «Почту духов», «Зрителя», «Санкт-Петербургский Меркурий». Первый русский провинциальный журнал, издававшийся в 1786 г. в Ярославле, имел заглавие «Уединенный пошехонец». Был даже журнал «Адская почта» Ф. А. Эмина. И только заглавие «Иртыша, превращающегося в Ипокрену», благодаря понятию превращений /метаморфоз, звучит, говоря современным языком, как геокультурная формула, более того, название геокультурного проекта.

Если опираться на факты, а не на предположения, понятие метаморфоз в заглавии первого сибирского журнала могло появиться, прежде всего, благодаря его активному автору и редактору П. П. Сумарокову.

1) Мотив метаморфоз, «превращения одних существ или предметов в другие» [11], распространенный в фольклоре (например, сказочные сюжеты о превращении героев в камни и т. п.), в литературной традиции восходит к Овидию и Апулею.

2) Сюжет поэмы П. П. Сумарокова «Лишенный зрения Купидон», написанной в Сибири и опубликованной в январском выпуске «Иртыша» за 1791 г., как утверждают М. Г. Альтшуллер и Ю. М. Лотман, заимствован из басни Лафонтена «L'atour la folie». Описание Венеры в поэме связано с предшествующей традицией: оно встречается уже у Апулея («Метаморфозы»), затем у Лафонтена («Любовь Амура и Психеи»), Богдановича («Душенька») [12].

3) «Душенька, древняя повесть в вольных стихах» была впервые опубликована в 1783 г., а до этого, в 1778 г., печаталась ее первая часть под заглавием «Душенькины похождения». В поэме Богдановича не только упоминаются Апулей и Лафонтен («Издревле Апулей, потом де ла Фон-

тен... Воспели Душеньку и в прозе и стихами»), но есть, кроме того, четыре отсылки к «Метаморфозам» Овидия, о котором, в частности, сказано, что он «в самой лжи правдивых муз приятель».

4) К метаморфозам «Иртыша» имеют отношение два сюжета Овидия, поэма которого содержит более 200 мифов о превращениях. Во-первых, сюжет истории мира как истории всеобщих метаморфоз, ибо они универсальны, тотальны, космичны:

*Постоянного нет во вселенной,
Все в ней течет – и зыбок любой
Образуемый облик.
Время само утекает всегда в
Постоянном движенье,
Уподобляясь реке;
Ни реке, ни летучему часу
Остановиться нельзя. [13]*

Во-вторых, сюжет о превращении рек / вод. Например, в мифе о Фазтоне, нарушившем ход самого Солнца, что и привело к метаморфозам рек, великий Нил становится перепуганным зверем:

*Нил на край света бежал,
Перепуган, и голову спрятал. [14]*

В «Метаморфозах» Апулея идея всеобщности превращений сохраняется, хотя и приобретает не онтологически-космологический, а, скорее, магический характер и выполняет, прежде всего, сюжетообразующую функцию. «Мне все казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по которым я ступал, представлялись мне окаменевшими людьми. И птицы, которым внимал – тоже людьми... деревья вокруг городских стен – подобными же людьми...» [15].

5) В поэме «Лишенный зрения Купидон» есть прямая отсылка к следующим словам из «Душеньки»:

*У холодных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаивал не раз. [16]*

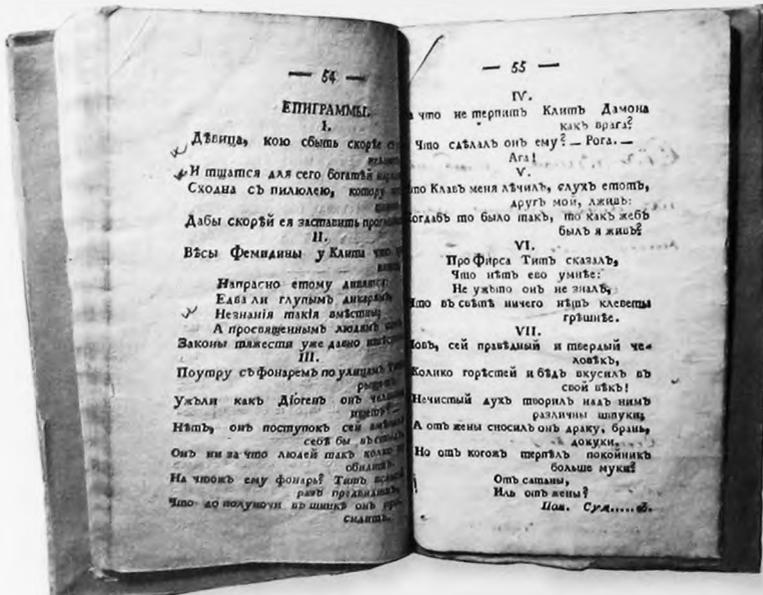
Мотивы холода, льда и «скрывающего от глаз» Феба у П. П. Сумарокова звучат следующим образом:

О ты, что на Сибирь взираешь исподлобья!
 Скажи мне, светлый Феб, за что до нас ты лих?
 За то ль, что своего блестящего подобья
 Не видишь здесь ни в чем, как лишь почти в одних
 Ледяных сосульках
 Да в таковых же пульках,
 Которы бедная Аврора вместо слез,
 От стужи плачуца, бросает к нам с небес?
 Но кто ж виновен в том, коль сам ты нас не греешь?
 Ты права не имеешь
 Коситься так на нас.
 Услышь же мой к тебе охрипый с стужи глас:
 Пожалуй, сделай одолженье!
 Просунь сквозь снежных туч
 Хотя один свой луч
 И мерзлое мое распарь воображенье. [17]

Перекличка мотивов и образов в поэмах Богдановича и Сумарокова свидетельствует об их генетической связи и, скорее всего, о том, что Сумароков был хорошо знаком с поэмой Богдановича.

*Эпиграмма – один из любимых жанров П. Сумарокова,
 автора и редактора журнала*

Все приведенные выше факты являются вполне убедительным обоснованием культурно-исторического контекста «Иртыша», включающего в себя не только Богдановича, но Апулея и Овидия.

Превращение Иртыша в Иппокрену, подобно метаморфозам в любом из 200 мифов Овидия, также носит космический характер и включено в поток всеобщих превращений, в историю мира. Свидетельство тому – «Ода Иртышу, превращающемуся в Иппокрену», созданная Иваном Труниным, учеником 4-го класса Тобольского главного народного училища, и напечатанная в январском номере журнала за 1790 г. Трижды в ней повторяется слово «премена» (перемена), отражающее суть превращений, которые, по мнению автора, происходят не только с Иртышом, но с Тобольском и с Сибирью.

Об Иртыше превращающемся в «Оде» сказано:

*Какими чистыми струями,
С блаженством купно наших дней,
Иртыш, течешь ты между нами!
Тебе счастливый днесь край сей
Хвалы возможны соплетает;
В тебе блаженство созерцает
Полночная страна свое [18].*

Сакрализуется в «Оде» не только Иртыш, но и град Тобольск:

*Ты чистым током орошаешь
Тобольск, благополучный град
И новым светом озаряешь
Счастливейших российских чад.
Невежество тебя боится
И суеверие стыдится...
О нашего блаженства Рай! [19]*

«Премноги перемены» происходят и с Сибирью, обращаясь к которой, поэт говорит:

*Довольна ль ты сей переменой,
Что мы златой век зрим в тебе?
Сравнив твои древнейши лета,
Когда не озарял луч света,
Уж не Сибирь мы зрим в тебе,
Но сад, наукам посвященный,
Жилище Геликонских сестр,
Екатериной сооруженный. [20]*

Поэт надеется, что Сибирь возвысит «до небес свой рок», и просит «миров творца» о судьбе виновника всех «премен», Иртыша, превращающегося в Иппокрену:

*Твое течение да продлится
И высшего рукой хранится
Пока не узришь мир конца. [21]*

Миф об Иртыше становится, таким образом, мифом о метаморфозах Сибири, временные координаты которого – золотой век, «днесь», конец мира; пространственные образы – Рай, сад, «жилище геликонских сестр», «благополучный град», «счастливый край».

Превращения мыслятся в «Оде» не столько как метаморфозы в начальном смысле слова («превращения одних существ или предметов в другие»), а, по сути, как преобразование, акцентирующее не изменение внешнего облика, а внутреннее изменение: река-книга творит жизнь вокруг себя.

Русское слово «преобразование», хотя и происходит от древнегреческого *metamorphosis*, но имеет свои коннотативные смыслы, связанные, в частности, с толкованием преобразования в Православии.

В этом контексте нельзя не отметить тот факт, что превращение Иртыша в Иппокрену означает, в частности, что Тобольск и вся Сибирь мыслятся как мировой культурный перекресток, пространство, в котором встречаются и взаимоотражаются Сибирь и Древняя Греция, Россия и Античность, язычество и христианство.

3.3. Сибирская Иппокрена: литературный и геокультурный контекст

Образы Иппокрены, Пегаса, Парнаса, Геликона, Кастальского ключа, безусловно, принадлежат к тем, которые принято называть «общими местами» (топосами) русской литературы. С этой точки зрения не является исключением и поэзия второй половины XVIII – начала XIX вв., в частности, творчество М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, В. И. Майкова, И. Ф. Богдановича, Д. И. Хвостова и др.

На обложке «Иртыша, превращающегося в Иппокрену», как известно, напечатаны слова из «Фелицы» (1782) Державина, где, в частности, есть образ «Коня парнаска», Пегаса, от удара копыт которого на Геликоне и возникла струя Иппокрены.

К 1789 г., к моменту появления первого сибирского журнала, в поэзии сложилась традиция интерпретации образа Иппокрены, в незнании которой трудно заподозрить создателей журнала и, в частности, его редактора П. П. Сумарокова, внучатого племянника А. П. Сумарокова, получившего, как известно, хорошее домашнее образование.

В сущности, программа «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» заложена уже в «Хоре к Парнасу» (1762–1763) А. П. Сумарокова:

*Лейтесь, токи Иппокрены,
Вы с Парнасския горы!
Орошайте вы долины
И прекрасные луга!
Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями,
Кои Греция пила,
И, имея на престоле
Вы Афинскую богиню,
Будьте афиняня вы! [22]*

Имя А. П. Сумарокова в поэзии XVIII в. самым тесным образом было связано с мотивами Аполлона, Муз, Парнаса и Иппокрены. Так, В. И. Майков, ценитель и последователь его творчества, писал в «Оде о вкусе» (1776), посвященной А. П. Сумарокову:

*О ты, при токах Иппокрены,
Парнасский сладостный певец,
Друг Талии и Мельпомены <...> [23]*

Мотив (по)токов Иппокрены, которые должны «явиться» в холодной России, звучит в поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» (как было показано выше). Мотив этот представлен в 1791 г., последнем году существования первого сибирского журнала, и, возможно, не без его влияния, в произведении «Ода. Стихотворение» Д. И. Хвостова, известного современникам как «отчаянный строчкогон» и король графоманов:

*Я кротку вашу власть, союзы,
Намерен петь, любезны Музы,
Настройте лиру сами вы,
Возвысьте дух и крепость гласа,
Мне Иппокрену, холм Парнаса
Явите, Музы, близ Невы.*

<...>

*Законодавец Героиня
Простря на всю Россию взор,
Рекла полных стран богиня
«Хочу, чтоб жил здесь Муз собор.
Сама к тому подам примеры,*

*Хочу, чтоб жили здесь Гомеры;
Пускай в струях Российских рек
Прольются Иппокренски воды». [24]*

Истоки всех этих мотивов явления потоков (токов, струй) Иппокрены на русской земле, очевидно, в творчестве М. В. Ломоносова, который уже в 1761 г. в стихотворении «Оставь, смущенный дух, презрение сует» писал:

*О вселюбезный Глас, животворяще
Слово!
Я чувствую к стопам в себе
стремленье ново.
Коль сильно Иппокрен в России
потечет,
Когда напишется над ним Елисавет. [25]*

Поэтическая формула «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», безусловно, включена в литературную традицию. Она содержит в себе ключевые смыслы мотива явления (по)токов Иппокрены в России:

1) связь поэзии и водной стихии, воды как космогонического начала [26];

2) августейшее покровительство поэзии;

3) «превращение» (преображение) русской земли, которая, подобно Парнасу, Геликону (Греции), становится поэтическим пространством, империей поэзии.

Образ Сибири в поэзии рубежа XVIII–XIX вв. нередко исчерпывался двумя мотивами – холод и место ссылки. В 1773 г. в стихотворении «Неумеренность» И. Ф. Богданович как о чем-то банальном, общеизвестном пишет: «В Сибири холодно, в Китае больше преют...» В стихотворении В. В. Капниста «Другу сердца» (1806) читаем: «И ссылочной Сибири холод». Мотивы сибирского холода характерны для поэзии П. П. Суморокова («Лишенный зрения Купидон»). Очевидно, только в научном и художественном творчестве М. В. Ломоносова образ и тема Сибири носят, говоря современным языком, отчетливый геокультурный и геополитический характер.

Речь идет о трудах М. В. Ломоносова, связанных с подготовкой экспедиции 1764 г. под руководством адмирала В. Я. Чичагова для отыскания морского пути из Архангельска через Северный Ледовитый океан к берегам северной Америки и Камчатки. Таких трудов было два: 1) «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763); 2) «Прибавление.

О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану» (1764). Воссоздавая историю чаще всего неудачных попыток обнаружения того, что сегодня называется Северный морской путь, Ломоносов на огромном количестве фактов обосновывает идею выхода России через Северный океан и Сибирь («совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири») в Японию, Китай, Индию и к западным берегам Америки. Он, в частности, пытается развенчать страх европейцев перед сибирским холодом. Мотив этот появляется уже в «Оде на день восшествия на престол ее величества императрицы Елисаветы Петровны 1748 года», где о народах, населяющих Сибирь, Ломоносов пишет:

*Едва покров себе имея,
Смеются лютости Борей.* [28]

Трактат 1763 г. Ломоносов заканчивает известными, широко цитируемыми (хотя обычно в сокращенном, искажающем мысль автора виде) словами: «...российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [29].

С открытием «желаемого пути, – утверждает Ломоносов, – России приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества для государственной и государственной славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду» [30].

Образ Сибири в поэтических произведениях Ломоносова рождается на пересечении трех основных мотивов: 1) «пространность» (необъятность пространства) всей державы и Сибири в частности; 2) потаенность богатств (сокровищ), таящихся в этих пространственных землях («Богатство в оных потаенно»); 3) миссия российских Колумбов.

Особенно значимым мотив «пространности державы» является в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни Елисаветы Петровны 1747 года». Обращаясь к императрице, Ломоносов пишет:

*Пространная твоя держава
О как тебя благодарит!*

При этом пространность державы осознается как ее сокровище:

*Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство.*

*Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия; [31]*

Необъятность пространства в оде 1747 г. создается не только и не столько благодаря тому, что автор и читатели видят (зрят) «горы превысоки» («верьхи Рифейски»), «поля широки», сколько за счет перечисления великих российских рек: Волги, Днепра, Оби и Лены. В оде 1748 г. называется еще одна сибирская река – Енисей. Лена предстает как божественное чудо и сравнивается с Нилом:

*Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной. [32]*

Стоит отметить, что Иртыша в ряду рек, названных Ломоносовым, нет. Скорее всего, это связано с тем, что Иртыш, в отличие от других сибирских рек, не впадает в Северный Ледовитый океан и не связан с Северным морским путем, об открытии которого мечтал Ломоносов. Кроме того, Иртыш в поэзии рубежа XVIII–XIX вв. связан обычно с образом Ермака.

Ломоносов же смотрел не в прошлое (тема Ермака), а в будущее России, с этим связана тема российских Колумбов. В оде 1747 г. он называет Колумбом Российским Витуса Беринга, открывшего пролив между Азией и Америкой:

*Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы. [33]*

В поэме «Петр Великий» (1761) мысль Ломоносова о прирастании российского могущества Сибирским и Северным океаном приобретает законченную поэтическую форму:

*Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша достигнет в Америку держава. [34]*

На первый взгляд, никакой связи между идеями Ломоносова о движении России на Восток и роли Сибири в этом движении и журналом «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» нет. Тем более, что большинство

из напечатанных в журнале текстов были переведены с французского, то есть журнал был ориентирован не на Восток, а на Запад, не в будущее, а в настоящее и прошлое (Иппокрена – знак античной культуры и французского классицизма).

Мысль Ломоносова, очевидно, шире и не замыкается антитезой Восток – Запад, речь идет об открытости России мировому пространству. Открытие пути на Восток, с точки зрения Ломоносова, послужит, в конце концов, «для большего просвещения всего человеческого роду». Стоит отметить, что создателями «Иртыша» Античность воспринималась как колыбель общечеловеческой культуры.

Сюжет превращения Иртыша в Иппокрену в контексте геополитических идей Ломоносова предстает как сюжет открытия всемирности Сибири, ставящий вопрос о ее месте в истории России и мира. Превращение Иртыша в Иппокрену как мироустроительный миф есть не что иное, как расширение культурного пространства, сибирский путь к миру и в мире.

Топосы Иртыша и Иппокрены после закрытия первого тобольского журнала не исчезли из отечественной издательской и поэтической практики. С 1799 г. по 1801 г. в качестве приложения к газете «Московские ведомости», основанной Московским университетом в 1756 г., выходил литературный журнал «Иппокрена, или Утехи любословия». Журнал известен как издание сентименталистской направленности, воспевающее уединение, пасторальную идиллическую жизнь. Среди авторов – Г. Державин, В. Жуковский, А. Радищев, А. Тургенев и др. Первый выпуск журнала «Иппокрена, или Утехи любословия» за 1799 г. открывается программным стихотворением «К Иппокрене». Оно, в частности, свидетельствует о существенном различии Иппокрены сибирской и московской. Московская Иппокрена – «источник кроткий, благотворный», ток его – «чистейший, скромный», он льет «с прохладой нежность» в грудь человеческую. «Священная вода» его дарует «отраду», «забвение горести» и «утешенье». Московская Иппокрена утратила «пространность», мироустроительную мощь сибирской Иппокрены, воды которой поили не только создателей первого сибирского журнала, но и Ермака, присоединившего Сибирь к России и бесконечно расширившего русские пространства. Мироустроительной воли и мощи Ермака противостоит «стесненная душа» и «томная грудь» сентименталистского человека. Тема «сурового льдистого севера» как метафора России предстает поэтической формулой, если не штампом.

Объединяет обе Иппокрены мысль о преобразующей силе ее «живящей», «священной» воды, способной «очистить грубый вкус», улучшить «нравы» и «сердце», дать людям «отраду» и «счастье», преобразить жизнь, наполняющую бесконечные русские пространства.

К Иппокрене

*Источник кроткий, благотворный!
Щасливы люди там, где твой
Струится ток чистейший, скромный,
Поя живящей их водой.
Ты грубый вкус их очищаешь
Волшебным действием ея;
Ты нравы, сердце улучшаешь
С прохладой нежность в грудь лия.
И я твоей воды священной
Испив – отраду ощутил
В душе моей... увы!... стесненной, –
И часть мою благословил.
Подобно Лете, ты в забвенье
Приводишь горести одной
Лишь каплею – и утешенье
Прольетя в томну грудь рекой.
Теки, теки, источник чистый,
К отраде, счастью людей;
И север наш, суровый, льдистый,
Струею напои своей! [35]*

В Сибири, на рубеже XX–XXI вв. топоним Иртыш появился в заглавиях двух периодических изданий: 1) альманаха «Иртыш», печатавшегося в Омске областной писательской организацией с 1991 по 1997 гг.; 2) молодежного журнала «Иртышъ – Омь», существовавшего в Омске в 2011 г. Оба издания осознавали свою связь со знаменитым предшественником XVIII в., однако столь серьезной издательской задачи, как у него, перед собой не ставили.

Примечания

1. Утков В. Г. Книги и судьбы: Очерки. М., 1981; Соболевская Т. Н. Тобольская типография Корнильевых: основные итоги изучения // 200 лет книгопечатания в Сибири. Очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1988; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Новосибирск, 2000; Павлов В. А. Повесть о Панкратии Сумарокове // Урал, 2004. № 4–7; История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Глав. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. М., 2012 и др.
2. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. Л., 1983. С. 79.
3. Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 374–376.

4. Сибирь в русской поэзии XVIII – начала XX вв.: пространственный образ в свете исторической поэтики. URL: <http://russlit.utmn.ru/sec/156> (дата обращения 11.11.2014).
5. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1790. Март. С. 12–13.
6. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1790. Август. С. 32.
7. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1791. Август. С. 22.
8. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 270–271.
9. Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 394, 404.
10. Павлова А. А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Тип. К. Н. Высоцкого. С. 52, 148.
11. Иванов В. В. Метаморфозы // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 147–149.
12. Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. URL: http://www.rvb.ru/18vek/poety1790_1810/toc.htm (дата обращения 11.11.2014)
13. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод с латинского С. В. Шервинского. М., 1977. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/ovidius/> (дата обращения 11.11.2014).
14. Там же.
15. Апулей Луций. Метаморфозы, или Золотой осел. Перевод с латинского М. А. Кузьмина. М., 2010. URL: http://az.lib.ru/a/apulej/text_0020.shtml (дата обращения 11.11.2014).
16. Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 46. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanowicha_i_f/text_0030.shtml (дата обращения 11.11.2014).
17. Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. URL: http://www.rvb.ru/18vek/poety1790_1810/toc.htm (дата обращения 11.11.2014).
18. Трунин И. Ода Иртышу, превращающемуся в Ипокрену // Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1790. Январь. С. 37.
19. Там же.
20. Там же. С. 39.
21. Там же. С. 40.
22. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 282. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/sumarokov/> (дата обращения 11.11.2014).
23. Лиры и трубы. Русская поэзия XVIII века. Свердловск, 1984. С. 91.
24. Хвостов Д. И. Цит. по: Бердников Л. Графомания, или первый из многих. Эволюция творчества графа Хвостова // Новая юность. 2008. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2008/6/be7.html (дата обращения 11.11.2014).
25. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 277. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/lomonosov/> (дата обращения 11.11.2014).

26. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 240.

27. Сибирь в русской поэзии XVIII – начала XX вв.: пространственный образ в свете исторической поэтики. URL: <http://russlit.utmn.ru/sec/156> (дата обращения 11.11.2014).

28. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 126. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/lomonosov/> (дата обращения 11.11.2014).

29. Ломоносов М. В. Краткое описание путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/LO6-417-.htm> (дата обращения 11.11.2014).

30. Ломоносов М. В. Краткое описание путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 497. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/LO6-417-.htm> (дата обращения 11.11.2014).

31. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 118. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/lomonosov/> (дата обращения 11.11.2014).

32. Там же. С. 117.

33. Там же. С. 277.

34. Там же. С. 286.

35. К Иппокрене // Иппокрена, или Утехи любословия. М., 1799. Ч. 1. С. 5.

4. Первая сибирская печатная книга: миф и реальность

4.1. Рождение мифа

Тобольский краевед и библиограф С. Н. Мамеев не сомневался в том, что начало книгопечатания в Сибири было положено изданием журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», первый номер которого вышел в сентябре 1789 г. [1]. Миф о том, что первой сибирской печатной книгой является «англинская повесть» «Училище любви», возник благодаря работе А. И. Дмитриева-Мамонова «Начало печати в Сибири» (3-е изд., 1900). «Первой книгой, напечатанной в типографии Корнильева, а следовательно, и первой книгой, вышедшей в свет из-под типографского сибирского станка, была повесть «Училище любви», – пишет он. Основанием для этого утверждения стал для А. И. Дмитриева-Мамонова указ Тобольского наместнического правления от 5 апреля 1789 г. № 6476, текст которого целиком приводится исследователем [2].

Логика А. И. Дмитриева-Мамонова понятна: если решением властей книга «Училище любви» купцу Корнильеву для издания в печать отдана с тем, «чтобы оную в публику выпустить», то публика ее в этом же году из типографии получила и прочитала. К сожалению, эта логика есть логика мифа, а не реальности.

В настоящее время, как было сказано (Глава 2), в России известен только один экземпляр издания «Училище любви» 1791 г., хранящийся в Библиотеке Российской академии наук. Предположительно существовавшие издания повести 1789 г. и 1790 г. имеют статус разыскиваемых и, в сущности, являются частью мифа о том, что книга пользовалась популярностью у тоболяков, тираж ее – 250 (300?) экземпляров, типичный для изданий Корнильевых, мгновенно разошелся, и книга была переиздана в 1791 г.

Важнейшим вопросом в истории «Училища любви» является вопрос об авторе и переводчике книги. Имя переводчика П. П. Сумарокова, указанное на обложке книги в виде инициалов П. С. («перевел с французского П. С.»), в отечественной науке хорошо известно. Об истории перевода пишет в ряде публикаций В. Д. Рак, с точки зрения которого «Училище любви» – «сибирский эпизод из истории русского Пфейля» [3]. Речь идет о немецком писателе И. Г. Б. Пфейле (Johann Gottlob Benjamin Pfeil, 1732–1800), повесть которого «Торжество добродетельной любви» («Der Triumph der tugendhaften Liebe») из цикла «Опыт нравоучительных повестей» («Versuch in moralischen erzählungen», 1757) дошла до Тобольска благодаря французскому переводу-посреднику – двухтомнику «Мои до-

суги», предпринятому, как сказано у В. Д. Рака, некоей литературной особой, подписывающейся Матне де Морвиль. Этот перевод-посредник под названием «Школа любовников» («L'ecole des amants») предположительно принадлежит французскому писателю Л.-С. Мерсье (1740–1814). Стоит подчеркнуть, что с точки зрения В. Д. Рака, обозначенные им француженско-немецкие литературные связи так же, как и различия оригинала и переводов, нуждаются в более тщательном изучении.

Судя по тексту повести «Училище любви», заглавие ее не случайно и носит концептуальный и вполне осознаваемый русским переводчиком смысл, который еще предстоит реконструировать исследователям. Так, комментируя один из странных, с точки зрения житейской логики, поступков главной героини, П. П. Сумароков пишет: «Назвав повесть сию Училище Любви, я не предпринимаю оправдывать сей, может быть, слишком неосторожный поступок Фаннин... Чувствование оправдывает поступки наши в самое то время, когда оно нас заблуждает» [4]. Очевидно, что смысл русского заглавия французской повести «Школа любовников» П. П. Сумароков связывает с сюжетом главной героини и важнейшей в произведении темой парадоксальности человеческих «чувствований», а также связи «чувствований» («внутреннего», «души») и поступков («дела», «внешнего») героев. Отметим, что тема эта, как будет показано далее, имеет прямое отношение к судьбе самого П. П. Сумарокова, в частности, к тем событиям в его жизни, благодаря которым он оказался в Тобольске.

К сожалению, никто из исследователей за два с лишним века существования повести в русской литературе системно не исследовал «Училище любви» как факт именно русской культуры и самостоятельное художественное целое, каким оно было для П. П. Сумарокова. Возможно, именно с этим связаны негативные оценки произведения в современной науке. В. А. Павлов, разделяющий точку зрения тех, кто считает, что первое издание «Училища любви» вышло в свет в 1789 г., так оценивает произведение: «Повесть – дитя своего времени. Дитя неудачное, с изъянцами... Риторика и слезливость, надуманные ситуации, сентиментализм с “обрывками” классицизма, маловыразительный язык хранит в себе эта маленькая, в сто сорок две страницы книжица». Вместе с тем В. А. Павлов не отрицает историко-культурного значения «Училища любви»: «Для нас ценна сама книга как памятник культуры, камешек, заложенный Корнильевым и Сумароковым в основание урало-сибирского книгопечатания» [5].

Достаточно противоречива оценка «редкого сибирского издания» в работах В. Д. Рака: «Если книжечка выпускалась, как можно полагать, для того, чтобы приохотить к чтению малообразованных, косных сибирских чиновников и купцов, то выбор был сделан удачно: она отвечала неразвитым, примитивным интересам и вкусам, приобщая в то же время к “на-

стоящей” изящной словесности». Спорными и необоснованными, с нашей точки зрения, выглядят у В. Д. Рака читательский адрес и издательская стратегия П. П. Сумарокова и В. Я. Корнильева. Вместе с тем, трудно не согласиться с исследователем в его толковании контекста повести: Лессинг, Прево, Ричардсон [6]. Этот контекст свидетельствует, в частности, о том, что «Училище любви» – пространство взаимодействия трех основных художественных стратегий и интенций: классицистических, сентименталистских и просветительских, с чем, подчеркнем, согласны все исследователи повести.

4.2. Опыт современной интерпретации

Главный вопрос в осмыслении «Училища любви» состоит, очевидно, в том, сложилась ли в произведении оригинальная философия любви и можно ли говорить о том, что у него есть свое особенное, собственное место в истории русского Эроса? Без ответа на этот вопрос невозможно понять, является ли «Училище любви» феноменом давно исчезнувшего, канувшего в Лету мира, или оно – часть нынешней реальности и может быть «с пользой и удовольствием» прочитано не только нашими предками в XVIII в., но и читателями XXI в.?

Появление в Тобольске переводной повести «Училище любви», действие которой происходит в Англии и других европейских странах, с нашей точки зрения, не повод упрекать переводчика и издателей, как это делает П. А. Словцов, в том, что они не интересуются проблемами сибирской жизни, и не только свидетельство значимости переводной литературы в чтении россиян в XVIII в., а констатация того факта, что Тобольск в 1789 г. осознает себя как мировой культурный перекресток, часть всевропейской жизни. Во всяком случае, именно так эта ситуация видится изнутри сибирской жизни.

«Англинской» повесть «Училище любви» называется потому, что главная героиня ее – Фанни Дорлингтон – англичанка. Однако действие в повести происходит не только в Англии, но и во Франции и Испании (Гишпании). Каждая из этих стран предстает как условное, но тем не менее своеобразное культурное и, что особенно важно, этическое пространство, некий культурно-этический код. Так, главная отрицательная героиня повести Леди Сориленд едва ли не большую часть жизни проводит во Франции, «роскошной стране, где порок столь спокойно торжествует» (с. 40).

Антитеза Франции и Англии выстраивается следующим образом: «Во Франции долгое время не ведали искусства воспитывать девиц приличным их званию образом; в Англии же, где народ не столь прилеплен к пустым обычаям, искусство сие более известно и усовершенствовано» (с. 8). Справедливости ради скажем, что благородный поступок спасе-

ния отца Фанни от разбойников Граф Рочельфильд совершает именно во Франции, но, с другой стороны, он – англичанин и везде дома, а повесть все-таки «англинская».

Испания предстает в повести как место, где торжествует добродетель, мудрость, покой и мир: именно сюда бежит Джемс Дорлингтон от междоусобной войны в родной стране.

Место действия в повести, таким образом, создает пространство взаимодействия и столкновения трех культурно-этических кодов и тем произведения:

1. Гибель добродетели (Франция);
2. Торжество добродетели (Гишпания);
3. Пространство борьбы за / против той системы, ценностей, которая предстает в повести как идеальная (Англия).

Антитеза города и деревни / природы в «Училище любви» также этически окрашена в духе руссоистских представлений. Деревня – пространство естественного, природного, связанного со сферой человеческих «чувствований». Город – средоточие искусственного, порожденно-го разумом, наукой, «школой». Завязка любовного сюжета – появление в жизни Фанни двух друзей-поклонников Графа Рочельфильда и Лорда Дамби и возникновение любовного треугольника – происходит в идиллической обстановке загородной усадьбы. О любовном треугольнике (Фанни предпочитает Графа, Лорд любит Фанни, но отказывается от нее в пользу друга) сказано: «Никогда не видано было трех чувствительных сердец, которые бы с таковым сладострастием изливались одно в другое. Тут в одно время видно было торжество добродетели, любви и дружбы» (с. 22). Цитата эта еще и свидетельство того, что в системе ценностей, которые проходят испытание в произведении, нормой / идеалом является именно единство добродетели, любви и дружбы.

В пространстве города всякая идиллия разрушается, это место испытания героев и ценностей: городской вихрь вовлек в себя Графа, он «попал в сети прелестницы Леди Сориленд», возникает новый любовный треугольник.

Число три, фигура треугольника – ключевые в структурировании пространства и создании системы персонажей в повести, благодаря им рождается динамика сюжета и художественного целого.

Персонажи «Училища любви» достаточно четко делятся на отрицательных (Леди Сориленд), положительных (Фанни, Лорд) и тех, которые проходят через испытания на человечность (Граф, отец Фанни). Впрочем, испытания в той или иной мере проходят все герои повести.

Персонажи предстают как своего рода аллегии нравственных качеств: Лорд Дамби – дружества, Леди Сориленд – порока, Граф – слабости, Джемс Дорлингтон – отцовства, Фанни – любви, красоты и добродетели.

Важную роль в создании героев играют психологические мотивировки и характеристики.

Фанни воплощает в себе все высшие ценности, конкурировать с ней может только Лорд Дамби, центральная фигура в любовном треугольнике Фанни – Граф – Лорд. Дамби любит Фанни, но жертвенно отказывается от притязаний на нее во имя ее любви к Графу и дружественного чувства к нему. Его уделом становится благородное служение самым близким ему людям – Фанни и Графу, он превращается в их ангела-хранителя, спасая их любовь в любых жизненных ситуациях. «Та же самая любовь, которая тебя воспламеняет, сдает и меня, но, увидя тебя, увидя друга моего, кроме дружбы ничего не ощущаю. Чистейший огонь становится для меня знаком спокойствия. Посвящаемые мною ему жертвы не только кажутся мне жестокими, но еще причиняют мне неизреченное удовольствие!» – говорит Лорд Дамби Графу. О Лорде в повести сказано: «великая душа» (с. 124), его жертва названа блистательной (с. 140), добродетель – высокой (с. 140). Кроме того, эта любовь-дружба окружена ореолом некой избранности и даже сакральности: «Великодушный Лорд... ощущал то внутреннее удовольствие, о котором обыкновенные души не имеют ни малейшего понятия. Пусть тот, кто испытал сие неизреченное сладострастие, рождающееся от таковой жертвы, рассуждает теперь и определяет, но да молчит всяк другой и да не дерзнет осквернить то, чего никогда постигать не может» (с. 129).

«Причину той настойчивости, с которою и древние, и новые, и христиане, и иудеи, и язычники восхваляли дружбу» П. А. Флоренский видит в ее мистической природе: «Эмпирическое дружбы перерастает себя, упирается в небо и врастает корнями в земные, ниже-эмпирические недра», – пишет он. С его точки зрения, выросшей из опыта понимания Гомера, Платона, Шиллера, Ницше, а также Библии, дружба – это «Созерцание Себя через Друга в Боге», ибо дружба не только психологична и этична, но прежде всего онтологична и мистична. «Быть без друга» таинственным образом соприкасается с «быть вне Бога», – считает он. П. А. Флоренский говорит также о трагизме дружбы, рожденном необходимостью положить душу свою за друга. «Дружба, – утверждает он, – дает высшую радость, но она же требует и строжайшего подвига. Каждый день, час и минуту, со скорбью погубляя душу свою ради Друга, я в радости обретаю ее восстановленной» [7].

Именно эта ситуация (подвиг – самопожертвование – радость), трагизм которой снимается в мотиве духовной смерти – воскресения, и воссоздана в «Училище любви». Дружба, как, впрочем, и любовь (Лорд Дамби – Граф; Лорд Дамби – Фанни), предстает в повести не только в своем житейском, утилитарном образе и смысле, но и сверхэмпирическом, таинственном, неподвластном человеку; тем, перед чем человеческие по-

пытки объяснить его выглядят наивно и дерзко, но что существует в жизни как абсолютная реальность.

На фоне русской литературы, где тема дружбы решалась, главным образом, в русле пушкинской традиции от «Друзья мои, прекрасен наш союз!» до дружбы-вражды Онегина и Ленского, мотив дружбы как самопожертвования во имя любви и все той же дружбы в «Училище любви» звучит оригинально и мощно.

Центральной фигурой в треугольнике Фанни – Граф Рочельфильд – Леди Сориленд является, безусловно, Граф, олицетворяющий идею человеческой слабости. Граф изменяет Фанни как только возвращается в город из деревенской усадьбы: чувство в данном случае проигрывает разуму, естественное уступает искусственному и искусному. Он предает Фанни дважды: в качестве жениха и супруга, но каждый раз возвращается к ней. Человеческая, слишком человеческая, ситуация измены, непостоянства (как, впрочем, и все другие нравственные категории) рассматривается в «Училище любви» не только на житейском уровне, но и на экзистенциально-метафизическом.

На житейском уровне – интриги Леди Сориленд, «удивление и ужас» Фанни, письма, тайные свидания, удар шпаги и Граф на смертном одре, тайный брак, отъезд Графа во Францию, мнимый брак, таинственная встреча Графа и отца Фанни во Франции, тайное возвращение Графа в Англию и, наконец, счастливый финал для всех участников драмы. Попутно отметим, что все эти события (и это помимо многочисленных речей и авторских рассуждений) происходят на 142 страницах «книги в 8-ю долю листа» (95 x 155 мм). Простое их перечисление свидетельствует о том, что динамизм повествования, остросюжетность, искусство сюжетосложения – ее важнейшие качества.

Экзистенциальная интерпретация истории Графа задается в тексте вопросом «Кто может истолковать сие непостоянство, часть и удел нашей слабости?» (с. 29). Очевидно, что трактуется эта история неоднозначно и даже многосложно. Выбирая между Фанни и Леди Сориленд, Граф, по сути, выбирает, если воспользоваться образами из платоновского «Пира», между Афродитой истинной и Афродитой пошлой и, следовательно, между двумя разновидностями Эроса. В повести это, во-первых, «священный пламень» (с. 91), которому «покровительствует небо» (с. 58), «любовь, основанная на добродетели» (с. 142). Во-вторых, это «беззаконная любовь» (с. 114), которая, как понимает в конце концов Граф, «влечет за собой вражду и ненависть, непреодолимое отвращение, следующее за стремительными утехами» (с. 114). Такая любовь «несправедливо похищает название добродетельной» (с. 142).

В основе той и другой любви – «сладострастие», природа которого также двойственна. В «беззаконной любви» «чаша сладострастия опасна:

не ради заключающейся в ней сладости, но потому, что обыкновенно подчерпают из нее забвение должностей своих и самого себя. Расслабленная и как бы опустевшая душа делается неспособною ко всякому важному предмету», – читаем в повести (с. 45). Напротив, «восторги добродетельной склонности имеют некую тайную и превосходную перед всеми прочими прелесть... любовь чистосердечная очищает чувствования наши, усугубляет сладострастие и рождает в нас то внутреннее к самим себе уважение, которое соделывает нас спокойными и счастливыми». Спутники такой любви – покой, тишина, «сладостное молчание». Фанни «вкушает спокойные сладости любви» (с. 92). Любовь Леди Сориленд смешана с яростью, исступлением, бешенством (с. 96–97).

В чем же причина того, что Граф бежит от «любви добродетельной» к «любви незаконной» и вновь возвращается к ней? Она в том, что «сердце человеческое подвержено непостоянству», как говорит Лорд Дамби (с. 38). Но если слабость – в природе человека, то небо, как сказано в повести, покровительствует добродетели и защищает ее (с. 58). Не случайно в произведении показано чудо выздоровления Графа, когда он становится счастливым супругом Фанни (с. 86).

Художественный мир «Училища любви» – мужской мир и в центре его – женщины. Как и другие персонажи произведения, они привносят в толкование любви, души и сердца человеческого особые краски. Леди Сориленд – аллегорический образ любви корыстной, хищнической, эгоистичной. О ней в повести говорится, что она «охладела, когда увидела, что богатство Графа исчезло. Сыскала новых любовников, коих богатое наследие было еще не почато» (с. 115).

Добродетельная любовь Фанни – всепонимающая, всепрощающая. Фанни можно назвать художницей любви, она создает вокруг себя мир, покой, благополучие, счастье. Ее идея служения ближним объединяет всех героев. О Фанни в повести сказано: «обожания достойна сия женщина» (с. 128). «Граф желал бы показать Фанни на престоле света» (с. 131). Вместе с тем Фанни – не застывшая аллегория добродетели, она проходит свой путь восхождения, у нее свое «училище любви», где она учится прощать, преодолевать собственный эгоизм, не разрушать, а устраивать жизнь вокруг себя.

Объединяет, более того, роднит Фанни и Леди Сориленд, пожалуй, только одно – страсть. Эта таинственная спутница любви, впрочем, объединяет всех героев повести. Леди Сориленд она превращает в «фурию» и заставляет ее пытаться убить и Фанни, и Графа. О страсти Фанни к Графу, не раз предававшему ее, сказано: «Если бы Фанни могла начать вторичный выбор, то она опять бы предпочла Графа. Столь страсть ее была велика или, лучше сказать, непобедима» (с. 109). Лорд Дамби «жертвует дружеству» страсть к Фанни, а граф никак не может выбрать между «свя-

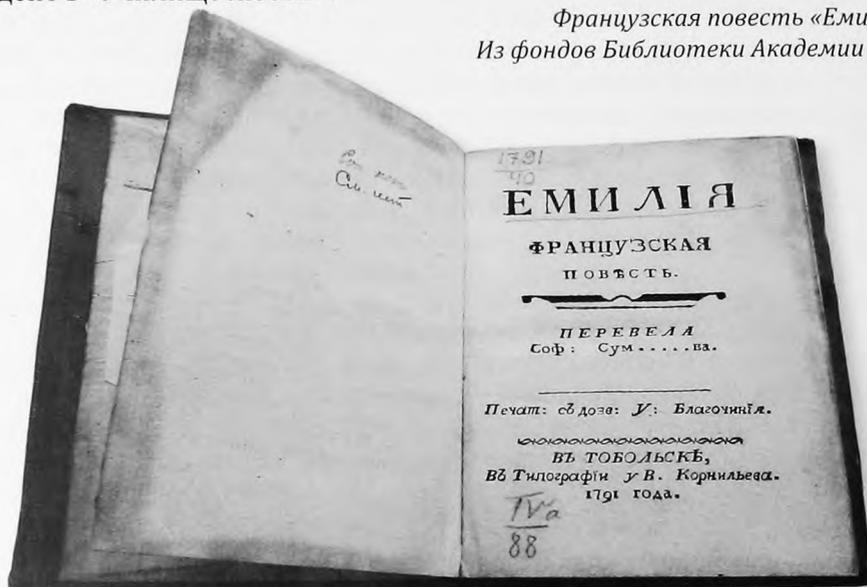

щенным пламенем», зажженным в его душе Фанни, и «яростным иступлением» Леди Сориленд.

Страсть так же многолика в повести, как и любовь: любовь-дружба, отцовская любовь, добродетельная и незаконная, жертвенная, всепрощающая, корыстная и т. п. На вопросы «Что есть сердце человеческое?» и «Каким именем назвать мечту человеческого блаженства?» (с. 29) в повести возникают вполне определенные ответы: сердце человеческое существует в любви, но любовь достигается долгим подвигом, восхождением человека к высшей добродетели, к любви небесной. Вся жизнь человека, таким образом – это «училище любви», восхождение к любви, которой покровительствует небо. «Постоянство торжествует над сердцем заблуждающимся! Оно возвращает его на прямой путь. Страдание его никогда не останется без вознаграждения; и сквозь мучительных и бесконечных исканий, достигает оно до истинного блаженства», – таков финал «Училища любви» (с. 142).

В этой мысли – отзвуки платоновских, просветительских, христианских идей. И вместе с тем – возникшая в повести ситуация бессилия слова и мысли выразить природу любви и высшие тайны человеческого бытия. В повести счастливый финал, каждый из героев обретает свое счастье, у читателя же, благодаря усилиям автора (?), остается ощущение живого присутствия тайны – тайны любви и ее неподвластности человеческому слову и мысли, ибо читатель, как и переводчик П. П. Сумароков, – вечный студент в «Училище любви».

*Французская повесть «Емилия»
Из фондов Библиотеки Академии наук*

Заглавие повести объективно ставит ее в контекст мощной традиции европейской литературы, восходящей к «Науке любви» («Ars amatoria») Овидия. Однако в этой традиции «Училище любви» занимает особенное место. «Наука любви» здесь, скорее, достояние «отрицательной» героини Леди Сориленд, превосходно владеющей «правилами поведения», позволяющими успешно найти и завоевать «предмет любви». Сохранить любовь «наука» не помогает. Законы разума в «Училище любви» бессильны перед законами чувства и тайной восхождения к любви, которой покровительствует небо.

4.3. Контексты

История любви Графа может быть интерпретирована благодаря двум ее контекстам: а) сюжету Цирцеи и Улисса; б) биографическому контексту, связанному с судьбой П. П. Сумарокова, оказавшегося в Тобольске после истории с подделкой ассигнации и на собственном опыте испытавшего, что такое отказ от «добродетели» и каково возвращение к ней.

Леди Сориленд названа в повести «новой Цирцеей» (с. 41). Как и гомеровская Цирцея, Леди Сориленд – воплощение коварства и ревности, ее чары – чары злой волшебницы. Сюжет Граф – Леди Сориленд, таким образом, может быть рассмотрен в контексте сюжета Цирцеи и Одиссея, прошедшего год в ее счастливом плену. Не случайно в повести сказано: «Граф попал в сети одной прелестницы» (с. 35). С этой точки зрения, история Графа с его «слабостями» – это история освобождения из плена, внутреннего и внешнего.

При анализе биографического контекста «Училища любви» ключевой является фраза Фанни, раскрывающая ее отношение к Графу: «Пусть будет он непостоянен, но да не будет преступник» (с. 126–127). Речь идет о том, что Фанни, многократно обиженная, преданная, «прощает Графу все», «благородно и трогательно» примиряется с ним.

Наиболее точная информация о событиях, предшествовавших появлению П. П. Сумарокова в Тобольске, представлена, очевидно, в статье «Жизнь П. П. Сумарокова», написанной сыном поэта Петром Панкратьевичем Сумароковым и напечатанной в качестве предисловия в книге «Стихотворения Панкратия Сумарокова» (1832). Если рассматривать эти события как своего рода нарратив (текст), в нем наиболее значимы мотивировки главных действующих лиц драмы.

Причинами «нарушения добродетели» 19-летним гвардейским офицером, от которого ожидали «блистательной будущности», рассматриваются:

- дурное знакомство с Куницким;
- соблазнение / искушение: «Куницкий подбил его нарисовать ассигнацию», обращаясь к тщеславию Сумарокова-рисовальщика;

– обман: Куницкий обманом взял ассигнацию и купил на нее в Гостином дворе «лисий мех».

Поступок П. П. Сумарокова назван «неумышленным преступлением», при этом сказано, что осудили «Куницкого как истинного преступника, Сумарокова как орудие, служившее и его преступлению, а Ромберга за то, что он знал обо всем и не донес».

Петр Панкратьевич Сумароков пишет о том, что отец его ехал в Тобольск «с отчаянием души», но в Сибири он встретил людей, «которые умели оценить его ум и дарования, отличить проступок молодости от настоящего преступления» (ср. слова Фанни о Графе). Среди таких людей называется губернатор Тобольска А. В. Алябьев, который «полюбил несчастного, как сына». В предисловии также сказано: «Сумароков нашел в Сибири приятное общество, умных людей, книги... вступил на литературное поприще и приобрел те обширные познания, которых, может быть, никогда не имел без того». В 1789 г., когда открылась типография Корнильевых, вышли в свет «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и, предположительно, – «Училище любви», П. П. Сумароков женился и, как известно, до конца жизни был счастлив в своей семейной жизни [8].

Все эти факты и суждения приводятся в данном издании не только потому, что книга 1832 г., из которой они взяты, сегодня мало доступна, но и, главное, затем, чтобы убедительно показать: выбор для перевода книги Пфейля был для Сумарокова, скорее всего, не случайным – в немецко-французской повести переводчик встретил проблемы, ситуации, идеи, явно созвучные его собственной душе и судьбе. Прежде всего это идея жизни как трудного восхождения, преодоления собственной слабости, несчастия, беды, поражения. Любопытным становится тот факт, что, объясняя название «англинской повести», он пишет: «Чувствование оправдывает поступки наши в самое то время, когда оно нас заблуждает» (с. 67). При всей своей универсальности формула эта объясняет и смысл событий, приведших П. П. Сумарокова в Тобольск.

У «Училища любви» есть еще один объективный контекст: книга «Емилия».

4.4. Первая в Сибири книжная серия?

Французская повесть «Емилия», автор которой в настоящее время не установлен, переведена Софьей Андреевной Сумароковой (урожденной Казабе) и напечатана в типографии Корнильевых в 1791 г. Формат ее («8-я доля листа», 95 x 155 мм) идентичен «Училищу любви», с которым она составляет своего рода дилогию. Книги объединяет тема любовных коллизий, интерпретация любви как пути нравственного восхождения.

В «Словаре русских писателей XVIII века» о С. А. Сумароковой, в частности, сказано: «В 1789 г., будучи гувернанткой в семье ссыльного, по-

знакомясь с П. П. Сумароковым и вышла за него замуж» [9]. В интерпретации сына Сумароковых, описывающего жизнь отца после ссылки в Тобольск, эта ситуация выглядит следующим образом: «Супруга его, получившая также очень хорошее воспитание, решила разделить участь человека, которого ценила не по обстоятельствам, а по личным достоинствам, зная, что положение его унизительно только в глазах предрассудка» [10]. Эти слова (и стоящая за ними ситуация) могут, с нашей точки зрения, служить своего рода ключом к пониманию «Емилии».

Первая фраза «Емилии» предстает как своего рода продолжение «Училища любви»: «Порок перестает быть ужасным, когда не затмевает он душевных качеств. Слабости сердечные происходят столь же часто от легкомыслия, как и от приманчивости утех» [11]. За этой сентенцией – судьба Графа, Емилии, да и самого П. П. Сумарокова. Она почти исчерпывающе характеризует ситуацию главной героини повести в начале сюжета, напоминающего сюжет «Дамы с камелиями» А. Дюма-сына или оперы «Травиата» Дж. Верди.

Емилия «была из тех, которые начали жизнь свою в свете какою-нибудь слабостию» (с. 6). «Поведение ее было беспорядочно, но она умела восхвалять добродетель и удивляться ей» (с. 7). Куртизанка Емилия хочет «исторгнуться из постыдного положения своего», вернуться к «доброму поведению», но она «желала быть добродетельной так, чтобы ничто ей в том не препятствовало» (с. 10). Для этого она хотела накопить 200 000 франков и уехать из Парижа. История Емилии в повести – история слабости, утраты добродетели, стремления к ней и возвращения к ней.

В жизни Емилии появляется Т. – бедный молодой дворянин, пребывающий в ситуации выбора: честь, добродетель или благополучие? Сам он выбирает честь и хочет «просить места в Конторе Ост-Индийской компании» (с. 44). Однако благодаря Емилии и ее любви к нему Т. получает все: любовь, добродетель, благополучие.

В повести важны не только сюжетные коллизии бедный и благородный / богатая и беспутная (житейский план), но и мотивировки-характеристики поступков героев, благодаря которым «Емилия» превращается в историю о восхождении «слабого» человека к истинной любви, добродетели, благополучию. Финал «Емилии» звучит двусмысленно: «Т. и Емилия уже давно наслаждаются утехами искренней любви. Дом их есть обиталище добродетелей. Они суть образцы оных, об них говорят с похвалою и с удивлением, но никто не имеет сил им последовать» (с. 83). В последней фразе можно увидеть иронию и признание того, что путь достижения идеальной жизни слишком сложен, а потому сказочен, как и вся эта любовная история. «Емилия», как и «Училище любви», – это эстетическое пространство, в котором царствует Возвышенное и Низменное, воз-

никновение во «французской повести» смехового, комического начала только украшает книгу.

«Емилия» и «Училище любви» сюжетно, композиционно, концептуально дополняют друг друга. Почему бы не увидеть в них первый опыт сибирской книжной серии? Обе книги, в случае их переиздания, с нашей точки зрения, могли бы быть востребованы современным читателем и как факт истории русского Эроса, и как феномен отечественной книжной культуры.

Примечания

1. Мамеев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. I / Сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 2004. С. 327.

2. Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Спб., 1900. С. 2–3.

3. Рак В. Д. Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля // Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII в. Спб., 2008. С. 415–472; Рак В. Д. К 200-летию редкого сибирского издания из фондов БАН СССР («Училище любви», Тобольск, 1791) // Книга в России XVI – сер. XIX в.: материалы и исследования. Л., 1990. С. 154–168.

4. Училище любви. Англинская повесть. Тобольск: тип. В. Корнильева, 1791. С. 67. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

5. Павлов В. А. Повесть о Панкратии Сумарокове // Урал. 2004. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/pav19.html> (дата обращения 11.11.2014).

6. Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. Спб., 2008. С. 470–471.

7. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 416, 438, 452, 456.

8. Жизнь П. П. Сумарокова // Стихотворения Панкратия Сумарокова. Спб., 1832. С. VII–XXXII.

9. Словарь русских писателей 18 в. Вып. 3 (Р–Я). Спб., 2010. С. 207.

10. Жизнь П. П. Сумарокова // Стихотворения Панкратия Сумарокова. Спб., 1832. С. XXIII.

11. Емилия. Французская повесть. Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1791. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в скобках.

5. Для пользы и удовольствия читателей: издательская стратегия Корнильевых

Если мир – это книга, то каким запечатлели мир в своих книгах сибирские первопечатники? Ключом к этому миру, вероятно, могут быть слова с обложки журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»:

*Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.*

Слова эти взяты издателями из знаменитой оды Г. Р. Державина «Фелица», обращенной к Екатерине Великой. Поэт пишет здесь о том, каким должен быть человек, если в мире царствует его величество Разум. В сущности, именно к такому читателю, европейски образованному человеку эпохи Просвещения, обращены и журналы, издававшиеся Корнильевыми, и все их книги.

Известно, что появление «Иртыша» связано с открытием в 1789 г. Тобольского главного народного училища, учителя и ученики которого прежде всего были его «почтенными читателями». В Предисловии к первому, сентябрьскому, номеру журнала за 1789 г. сказано: «Тобольское главное народное училище предприняло издавать ежемесячник, наполняя оный всякого рода как сочинениями, так и переводами в стихах и прозе» [1].

И училище, и журнал призваны были, как утверждал учитель И. Лафинов, «питать души достойными человека плодами просвещения» [2]. В «Стихах на Новый год» в январском номере за 1791 г. он выразил эту мысль одическим стилем:

*Пусть ныне Феб на нас с суровостью взирает,
Пускай Борея здесь свирепству уступает,
Пускай он отдален от здешних хладных стран,
Пусть горы льдов тягчат полночный Океан.
При всем том теплоту в душах мы ощущаем,
Жестокость естества и бури презираем.
Почто страшиться нам снегоносных туч?
Везде Премудрости нас греет светлый луч. [3]*

В конце XVIII в. в России господствует «мода на образованность». «Недоросль» Д. И. Фонвизина опубликован в 1783 г. и широко известен.

Мода возникла во многом благодаря многочисленным журналам, воссоздающим одну и ту же коммуникативную модель: статьи исторического, географического, экономического, политического и т. п. характера соединялись с литературными произведениями, отечественные авторы – с переводными с целью одновременно принести читателю пользу и развлечь его. Суть этой коммуникативной модели можно передать, например, заглавием литературно-сатирического журнала М. Д. Чулкова «И то и сё» («И то и сию»), вышедшего в 1769 г. Та же формула в известном журнале Екатерины II «Всякая всячина» (1769–1770).

По такой же коммуникативной модели создавались и первый в России провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» (Ярославль, 1786), и первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», отличающийся от других тобольских журналов прежде всего тем, что в нем значительно большее место отводилось поэзии, и это не случайно, ведь душой журнала был поэт П. П. Сумароков.

Первый, сентябрьский, номер «Иртыша» содержал 13 публикаций, никак не структурированных: рубрик в журнале не было, они появятся только в «Библиотеке ученой» и будут называться статьями.

Помимо Предисловия, номер содержит две «Речи»: «говоренную при открытии Тобольского главного народного училища учителем высших классов Иваном Лафиновым 1789 года марта 11 дня», а также «говоренную при первом открытом испытании и при открытии 4 класса в Тобольском главном народном училище учителем высших классов Тимофеем Воскресенским 1789 года июля 3 дня» [4].

В номере, кроме того, помещены две статьи научного характера: 1) «Каким образом познаем мы расстояния, величины, виды и положение предметов»; 2) «О различии летоисчисления от сотворения мира до Рождества Христова между восточною и западною церквами, и которое из оных справедливее». Автор первой статьи – П. П. Сумароков, второй – И. Б. Лафинов [5].

На последних страницах номера напечатаны «Загадки» [6], ответ на которые можно прочитать в октябрьском выпуске «Иртыша». Большая часть материалов сентябрьского выпуска – литературно-художественные сочинения. И. И. Бахтину принадлежат стихотворения «Сон» (с. 6–13); «Стансы» (с. 14–15); «Епиграммы» (с. 16–17); «Баснь. Старуха со внукою» (с. 23–24); «Сказка. Господин и крестьянка» (с. 25). Подпись «Пан...Сум...въ» (Панкратий Сумароков) сопровождает две публикации: «Быль» (с. 26) и «Сказка. Искусный лекарь» (с. 27–33).

Программным, ключевым для понимания не только первого, сентябрьского, номера, но и всего журнала, с нашей точки зрения, является стихотворение И. И. Бахтина «Сон», в котором ставится вопрос о том, что важнее: слово или дело? Вопрос оказывается риторическим, ответ на него звучит следующим образом:

*Что славишь ты в стихах, другой творит то делом:
Пером полезен ты, другой душой и телом.
От доброго судьи, крестьянина, купца
Не мене пользы, чем от од и драм творца. [7]*

Программным является следующее заявление И.И. Бахтина: «первая наука стихотворство!». С этим утверждением вполне согласуется тот факт, что большинство публикаций в сентябрьском номере «Иртыша» – литературно-художественные: вода Иппокрены дарует вдохновение поэтам. Стоит подчеркнуть: не Премудрость и не «плоды просвещения», а поэзия, поэтическое вдохновение – главная преобразующая сила и, по сути, сакральный центр мира, возникающего на берегах Иртыша, превращающегося в Иппокрену.

В «Оде» Ивана Трунина, опубликованной в декабрьском номере «Иртыша» 1789 г., воссоздана картина преобразования Сибири, в которой, как утверждает автор, «везде воздвигла Геликоны» Екатерина II. На Геликоне, как известно, обитали Музы, покровительницы искусств, и находился источник Иппокрена, возникший от удара копыт Пегаса. Картина эта возникает в видении Кучума:

*Се нечто дух мой восхищает!
К вниманью возбуждает ум!
Из мертвых стран взор обращает,
К Сибири говоря Кучум.
Какое зрю я днесь виденье!
Не ты ль Сибирь? О чудно зренье!
Сибирь, которою владел
Я, сильный Царь, в прошедши веки?
Не пыль, где жили человеки,
На троне коих я сидел?
Ах! Нет! Не ты!
Возможно ль статься,
Чтоб страны те, где свету нет
Могли сей славой величаться?
В Тебе, Сибирь, зрю ныне свет?
Леса, где были и пустыни,
Там зрю прекраснейши долины,
И прежде обитал где мрак,
Там музы ныне населенны,
Поля обильны, утучненны,
Везде зрю благовонный знак! [8]*

За три года существования «Иртыша» (1789–1791) концепция журнала и его читательский адрес в целом не изменились. Об этом свидетельствует, например, анализ августовского выпуска журнала за 1791 г.

Журнал состоит из восьми материалов, три из которых посвящены поэзии (IV раздел – Басни, VI – Эпиграммы; VIII – Разные мелкие стихотворения), в четырех из них представлены аналитические материалы из разных областей знания (психологической, политической, металлургической):

I. «Продолжение кратких исторических известий о различных характерах человеческих».

III. «Нота, препровожденная от Датского Короля к Императорскому Российскому Двору, выписанная из Франкфуртского политического вестника, 1791 г., апреля 12 дня».

V. «Из политического вестника 1790 г., 14 декабря».

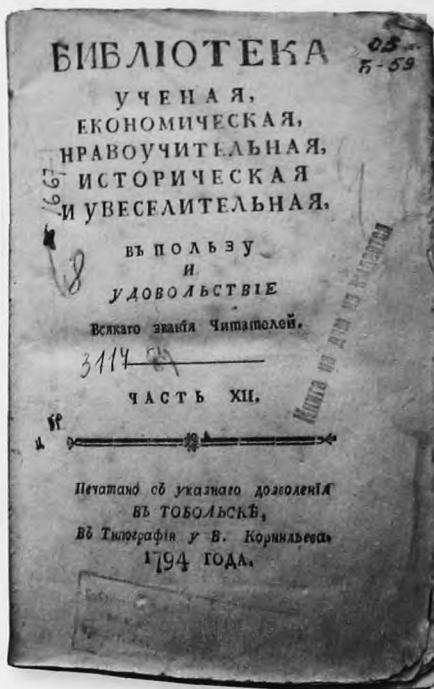
VII. «Продолжение Решения на вопрос “Как выгоднее из добытых медных руд выплавить чистую медь?”».

Приведем образчик стиля статей, в целом проникнутых духом века Просвещения: «...когда человек из рук Творца своего на свет вышел, сотворен он был с совершенным познанием истины и блага...» [9].

В разделе II публикуется письмо Иртыша к реке Муар – традиционный для журнала материал из переписки издателей и читателей, становящихся авторами. Подобного рода переписка – важная особенность «Иртыша». Так, например, в ноябрьском номере журнала за 1789 г. напечатано «Письмо к издателям» некоего Аиля Маметева, предпосланное публикации, озаглавленной «Мнение магометян о смерти Пророка Моисея, переведенное с Персидского языка на Российский Бухаретином Аилею Маметевым» (с. 47–49).

Поэзия в номере представлена важнейшими классицистическими жанрами: басня, эпиграмма, эпитафия, ирои-комическая поэма. Основной пафос стихотворений – сатирический, принадлежат они, главным образом, П. П. Сумарокову.

*«Библиотека ученая»,
из фондов Библиотеки Академии наук*

Приведем наиболее характерные примеры.

Эпитафия прожоре

Трудолюбивого сей камень скрыл

Глотилу:

Зубами сам себе изрыл сей муж

Могилу.

* * *

Иов, сей праведный и твердый человек,

Колико горестей и бед вкусил в свой век!

Нечистый дух творил над ним различны штуки.

А от жены сносил он драку, брань, доуки.

Но от кого ж терпел покойник больше муки

От сатаны

Иль от жены?

Если рассматривать «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» в контексте других тобольских журналов, следует сказать, что он был своего рода протожурналом, начальной формой периодического издания, которая станет завершенной структурой, космосом «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной в пользу и удовольствие читателей».

«Иртыш, превращающийся в Ипокрену» издавался на средства Приказа общественного призрения тиражом 300 экз., что для конца XVIII века, по мнению исследователей, было внушительной цифрой. Распространялся журнал по подписке не только в Сибири, но и в Перми, Ярославле и других городах. В 1789 г. у журнала было 186 подписчиков, в 1790 г. – 106. Подписная цена на год (12 выпусков) – 3 рубля. Объявление о подписке на тобольские журналы П. П. Сумароков помещал в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях». Последние четыре экземпляра В. Я. Корнильев печатал «безвозмездно из благотворения». Тем не менее Приказу общественного призрения издание журнала принесло немалые убытки [10].

Отметим, что, по данным исследователей, «общая читательская аудитория России в конце XVIII в. составляла менее 1 % ее жителей», а в Сибири, согласно переписи 1795 года, насчитывалось 1 млн 200 тыс. человек. Таким образом, тираж в 300 экземпляров охватывал 2,5 % потенциальных читателей [11]. Как и почему читали в Сибири в конце XVIII в. можно понять из сказки-были П. П. Сумарокова «Альнаскар», сочиненный им в Тобольске. Истории Альнаскара, «архитектора воздушного» и пустого мечтателя в произведении предшествует вполне реалистичная картина, воссоздающая образ сибирского чтения / рассказывания книг:

На сивом Октябре верхом
Борей угрюмый подвезжает;
Сибирских жителей в тулупы наряжает;
Зефиров гонит голиком;
Опустошая царство Флоры,
На стеклах пишет он узоры.
Мух в щели, птиц в кусты, зверей же
Гонит в норы.
С бровей на землю он стрясает
Снежны горы;
В руке его блестит та хладная коса,
Которой листьев он лишает дресеса.
Грозит покрыть Иртыш алмазною корою
И пудрит мерзлую мукою
Сосновы черные леса.
В Сибири чем убить такое скучно время?
Велим-ка дров принести беремя:
Затопим камелек,
Разложим аленькой трескучий огонек,
Сорокоградусны забудем здешни хлады;
А я,
Скажу вам сказочку, друзья,
Котору бабушка-покойница моя
Слыхала от Шехерезады. [12]

Известно, что «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» в качестве подарка получили Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Е. Р. Дашкова, президент Российской академии наук; его выдавали в качестве награды ученикам Тобольского главного народного училища. Журнал читал также А. Н. Радищев, который по пути в Илимский острог прожил в Тобольске более 7 месяцев в 1790–1791 гг.

Замысел периодического издания «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» принадлежал, как известно, Дмитрию Корнильеву. Он издавался в 1790-м году и считается сегодня первым краеведческим, а точнее, сибиреведческим журналом. Издание открывалось статьей «О Сибири» и половина его материалов была посвящена краю: например, статьи «О казачестве Сибири», «О самояди», «О вогуличах» и т. п. В настоящее время известен лишь первый выпуск журнала.

В 1793–1794 г. в типографии В. Я. Корнильева выпускался еще один журнал, который, как и «Иртыш», редактировал П. П. Сумароков: «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увесели-

тельная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Он в завершённой форме воспроизводил традиционную модель журнала XVIII века. В непривычно длинном для современного человека заглавии обозначены пять основных рубрик журнала («статьи» ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная), состоявшего, главным образом, из переводов, которыми занимались сам П. П. Сумароков и его супруга Софья Андреевна.

Выпуски «Библиотеки ученой» по объёму значительно больше, чем «Иртыш»: первый номер «Иртыша» был напечатан на 61-й странице, первый выпуск «Библиотеки ученой» – на 268 страницах. Печаталась «Библиотека ученая», как и «Иртыш», в 1/8 долю листа. Формат журнала – 135 x 195 мм. Открывалась ч. I «Объявлением почтеннейшей публике», в котором, в частности, сообщалось о стоимости годовой подписки на журнал: 10 рублей для читателей Тобольска, 15 рублей – читателей из других городов.

Статья «Ученая» первой части «Библиотеки ученой», содержащая 10 публикаций, по объёму (с. 7–58) едва ли не совпадает с «Иртышом».

Оглавление сочинений приводится в конце рубрики (с. 59). Только начиная с 4 части появляется общее оглавление для всего журнала, которое помещается в конце издания, что, безусловно, делает его более удобным для читателя.

В «Статье ученой» ч. I можно было узнать о «Балансе Европы», «О числословии», «О кроворащении», «О кометах», «О воде» и т. п. Материал «Краткое повествование о произведении художеств» принадлежит к тем, которые можно назвать сквозными и которые печатались в нескольких выпусках с указанием «Продолжение будет в следующей части».

В «Статье экономической» читатель открывал для себя «Способ сделать зубы белыми», «Способ истреблять клопов», «Способ помогать от тяжелых родин» и т. п.

В «Статье нравоучительной» можно было найти «Рассуждение о действиях доброго и худого воспитания», «Избранные мысли из разных писателей о разных предметах», аллегорическую повесть «Веселие и скорбь», а также размышления «О душе», «О скупости», «О друзьях и дружестве», «Утреннее размышление христианина» и «Примеры добродетелей» («Любовь к отечеству», «Храбрость», «Великодушие» и т. п.).

В «Статье исторической» читатель знакомился с «Кратким описанием нравов и обычаев диких народов», «Достопамятными деяниями и сказаниями всех знаменитых людей новейшей истории» и т. п.

«Статья увеселительная», состоящая из 54 страниц, не только развлекала, но и поучала и развивала. Наряду с «Любопытными анекдотами о лунатиках и сноходцах» она содержала, например, задачи из раздела «Математические и физические увеселения», «Острые слова», любопыт-

ные сведения (например, о «взаимных привязанностях аспидов»), а также тексты, представляющие собой своего рода литературные игры:

«Постоянные любовники, справедливая повесть, сочиненная на заданное содержание, которое есть следующее:

Должно, чтобы герой сей повести был сожжен, чтобы он утонул, чтобы его прогнали сквозь строй, чтобы ошолудивел, чтобы был повешен и потом женился бы на своей любовнице. Должно, чтобы героиня взбесилась, чтобы ее прогнали сквозь строй, чтобы она выпрыгнула из окошка». [13]

Судя по материалам «Статьи увеселительной», она представляла собой семейное и даже детское чтение, что делает «Библиотеку ученую» еще более значимым явлением сибирского книгопечатания.

Следует отметить, что концепция, структура, читательский адрес «Библиотеки ученной» на протяжении всех 12 его частей 1793–1794 гг. оставались неизменными, о чем свидетельствует, например, анализ части IX за 1794 г.

Из «Статьи ученной» этой части читатель, например, мог узнать «О происхождении художеств», «О провидении», «Нечто о рыбах», «О тягости воздуха», «Нечто, относящееся к естественной истории». В материале «О происхождении художеств» говорилось, в частности: «Для предупреждения упадка вкуса и изящных художеств должны мы обращать ум наш к великим предметам» [14]. В разделе «экономическом», то есть хозяйственном, можно было прочитать о том, «Как делать мыло из папоротника», «Как крахмалить белье молоком», а также рецепты изготовления морковного вина, миндального пирога, сахарных вафель и т. п. В «Статье нравоучительной» рассказывалось «О веселом духе, который должно иметь в деревне и в городе», «О свойствах разных людей», а также приводились «Избранные мысли славнейших писателей о разных предметах». Приведем актуальные примеры такого рода мыслей:

О деньгах

Деньги подобны сущь навозу, который тогда только полезен, когда разбросан.

О красоте

Красота есть первый дар, даваемый нам природою и также первый отнимаемый ею. [15]

В «Статье исторической» читатель находил «Продолжение достопамятных деяний и сказаний знаменитых людей новейшей истории», «Про-

должение краткого исторического сказания о полезнейших изобретениях в науках и художествах» и т. п. В «Статье увеселительной» можно было прочесть восточную повесть Монтескье «Арзас и Исмения», а также «Продолжение любопытных примечаний на нравы животных», «Разные анекдоты» и «Разные увеселения».

А. И. Дмитриев-Мамонов в работе «Начало печати в Сибири» (1900), крайне низко оценивая изданные в Тобольске в конце XVIII в. книги и журналы, утверждает, что «в особенности плохи были журналы» [16]. Внимательно прочитанные в начале XXI в., они дают основания для иных выводов. Первые сибирские журналы, если осмыслять их в историко-культурном контексте эпохи, были частью, говоря современным языком, проекта преобразования Сибири, геокультурного, литературоцентричного и во многом утопичного.

Ценя «плоды просвещения» и видя в стихотворстве «первую науку», создатели журналов поучали и развлекали своего читателя, принося ему пользу и удовольствие.

Если «Иртыш» как издание Тобольского главного народного училища был обращен прежде всего к образованной публике, то «почтенные читатели» «Библиотеки ученой» – сообщество, говоря современным языком, более широкое и демократичное. В «Библиотеке ученой» можно увидеть первый опыт создания журнала для семейного и детского чтения.

Примечания

1. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Сентябрь. Предисловие.

2. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Сентябрь. С. 1.

3. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1791. Январь. С. 2–3.

4. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Сентябрь. С. 1–3; 18–25.

5. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Сентябрь. С. 34–48.

6. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Сентябрь. С. 60–61. Далее в тексте в круглых скобках указаны страницы сентябрьского выпуска «Иртыша».

7. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Сентябрь. С. 11.

8. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1789. Декабрь. С. 61.

9. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1791. Август. С. 3.

10. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 30.
11. Там же. С. 49.
12. Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб., 1832. С. 1–2.
13. Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1793. Ч. I. С. 238.
14. Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1794. Ч. IX. С. 14.
15. Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 1793. Ч. I. С. 113.
16. Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Спб., 1900. С. 67.

6. Типография Корнильевых: репертуар и книгораспространение

В книгах, изданных Корнильевыми за годы существования типографии, представлены те же направления мысли, которые определяли структуру тобольских журналов: это литература по разным отраслям знания, художественная, краеведческая, а также религиозная. Причем все книги, за исключением художественных, так или иначе обращены прежде всего к пользе читателя, а художественные выполняют обе функции: развлекать и поучать.

Из 11 дошедших до нас корнильевских книг три – художественные. Две из них являются переводными: «Училище любви» и «Емилия». Третья – «Ода на новый 1793 год» Ивана Трунина, напечатанная в 4-ю долю листа, состояла всего из 11 страниц и являлась, очевидно, праздничным изданием. И. Трунин – постоянный автор «Иртыша, превращающегося в Ипокрену», где у него напечатаны две оды: в декабрьском выпуске за 1789 г. и январском за 1790 г., – выступает в них как своего рода певец сибирской Иппокрены.

К религиозной литературе, хотя и весьма своеобразной, можно отнести трехтомное сочинение английского математика Г. Диттона «Истина благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа, с математическою точностию» в переводе с немецкого тобольского архиепископа А. Знаменского.

К краеведческим, точнее, сибиреведческим изданиям, очевидно, принадлежит книга тобольского епископа Варлаама (Петрова) «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах: и кто они именно, и в каких городах были; и кто какой город строил и когда». К историческим труд Варлаама можно отнести по причине того, что в нем дана хроника важнейших фактов сибирской истории, начиная с похода Ермака и до 1791 г.

Большинство корнильевских книг посвящено различным областям знания: медицине, ветеринарии, юриспруденции, ботанике, физике, сельскому хозяйству. С современной точки зрения, это научные, научно-популярные, учебные, справочные издания.

Книги Ивана Петерсона, штаб-лекаря и коллежского асессора, о средствах лечения от сибирской язвы и вспомоществовании тем, кто «от насильственных и внезапных случаев приходят в такое положение, что уже мертвыми кажутся» имели большое практическое значение.

«Словарь юридический» Ф. Ланганса, впервые опубликованный в университетской типографии у Н. И. Новикова в 1788 г., в 1791 г. вышел в Полоцке и Тобольске, причем у Корнильевых «с прибавлением, против напечатанного в Университете, трех годов» – 1788, 1789 и 1790.

«Нужнейшие экономические записки» Н. Шукшина, обращенные к крестьянам, исследователи называют «настоящей сельскохозяйственной энциклопедией» [1].

«Слово о пользе физики» Т. М. Воскресенского, учителя высших классов Тобольского главного народного училища, «говоренное во время открытого испытания» и опубликованное также в ч. VIII за 1794 г. «Библиотеки ученой», свидетельствует о тесной связи книжных и журнальных изданий типографии.

Корнильевы издали также «Описание растений Российского государства» ученого-энциклопедиста П. С. Палласа, известного своими научными экспедициями по России, во время которых он, в частности, побывал в Тобольске и Тюмени. Впервые книга была издана в Петербурге, в Императорской Академии Наук, в 1786 г. в переводе ученика П. С. Палласа – В. Ф. Зуева.

Даже краткие характеристики книг, изданных Корнильевыми, позволяют сделать вывод о том, что они продолжают и развивают «ученую», «экономическую», «историческую» и т. п. статьи тобольских журналов, будучи с ними тематически тесно связаны. Очевидно также, что просвещение (польза и удовольствие) различных читательских слоев – от крестьян, чиновников до учеников и выпускников Тобольского главного народного училища – было важнейшей задачей сибирских первопечатников, осознававших себя частью единого российского книжного пространства. Делая доступными сибирякам книги, изданные первоначально в российской столице, Корнильевы следовали высокому назначению русских провинциальных издателей – служили родной земле. Вместе с тем, активно публикуя переводные сочинения (четыре из одиннадцати корнильевских книг – переводы с французского, немецкого, латинского языков), сибирские первопечатники ощущали свою связь с европейской культурой в ее прошлом и настоящем.

После Корнильевых, словно следуя совету П. А. Словцова «заняться сообщением современных в Сибири происшествий, изменением местных исторических отрывков или описаний торговли, хлебопашества и вообще хозяйственного быта» [2], сибирские издатели стали больше внимания уделять местным событиям, проблемам и авторам.

Свидетельство тому, в частности, – издательская стратегия К. Н. Высоцкого, открывшего в Тюмени в 1869 г. первую типографию. Книги, напечатанные К. Н. Высоцким и его дочерью Л. К. Высоцкой [3], отражают включенность издателей в жизнь города и разнообразие этой жизни

за 40 лет существования типографии. По этим книгам можно, например, судить о многообразии, говоря современным языком, общественных организаций и социальных структур Тюмени. Самыми распространенными жанрами изданных Высоцкими книг являются уставы и отчеты.

Уставы: «Устав приказчиьего клуба в городе Тюмени» (1869); «Устав вольного пожарного общества» (1881); «Устав Тюменского общественно-го собрания» (1883); «Устав Александровского родильного дома г. Тюмени» (1890), «Устав Тюменского общества для вспоможенствования нуждающимся переселенцам» (1892) и др.

Отчеты расширяют представление о социальных структурах города: «Отчет Тобольского окружного общества спасения на водах» (1881); «Отчет по мещанскому сословному управлению г. Тюмени» (1893); «Отчет о жизни и деятельности Владимирского сиропитательного ремесленного заведения в г. Тюмени» (1898).

Отчеты: «Отчет по любительскому спектаклю, устроенному гг. любителями драматического искусства 18 августа 1891 г.» (1891); «Отчет по катанью, бывшему 26 апреля 1892 г. на пароходе “Николай” в пользу Тюменского попечительского общества о бедных» (1892); «Отчет по маскараду, бывшему 17 января 1892 г. в театральном помещении г. Текутьева в пользу Тюменского общества попечения о бедных» (1892) и т. п. Особое внимание привлекают два «Отчета», в которых с очевидностью раскрывается система ценностей сибиряков XIX в.:

1. «Отчет по любительскому спектаклю, данному 23 января 1888 г. в пользу ученицы Тюменской женской прогимназии Натальи Марениной, с целью дать ей возможность продолжать образование в гимназии» (1889).

2. «Отчет по любительскому спектаклю 13 апреля 1890 г. в г. Тюмени, в пользу окончившей курс в Тюменской прогимназии, ныне ученицы V-го класса Омской женской гимназии Натальи Марениной» (1890).

С точки зрения информационной насыщенности и культурной значимости к «Устам» и «Отчетам» примыкают «Обязательные постановления для жителей города Тюмени, составленные Тюменской городской думой...» (1880, 1881, 1887); «Правила для переселенческих врачебно-питательных пунктов Тобольской губернии» (1893), «Календарь на 1870 год» и тому подобные издания.

Значительным событием в истории типографии К. Н. Высоцкого и тюменской жизни в целом стал выпуск книг сибирского художника и писателя М. С. Знаменского: «“Моя поездка на кумыс”. Клубные сонные грезы» (1875), «Обрыв: роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, длинный и сатирический, и чинный» (1875).

«Обрыв» М. С. Знаменского, замечательный образец соединения художнического и писательского дарований автора, представляет собой блестящую пародию на широко известный роман И. А. Гончарова (1869).

Сибирский писатель предлагает читателям в виде своего отменно длинного и картинного романа сатирическую «Провинциаду». Объектом сатиры выступают здесь модная «духовность», вторичность и подражательность, а также кондовый здравый смысл.

Восхищение сатирическим пафосом и художественным оформлением книги не мешает, однако, признать, что «Обрыв» М. С. Знаменского упрощает гончаровский роман, сводя его общенациональный смысл к провинциаде. Издательской стратегии К. Н. Высоцкого грозила опасность провинциализма, замыкания в локальные темы и проблемы. Сибирские первопечатники служение родной земле понимали как создание книг для европейски образованного человека эпохи Просвещения, Тобольск же был для них мировым культурным перекрестком.

Книги в типографии Корнильевых обычно печатались тиражом 300 экземпляров, продавались за 3–5 рублей ассигнациями [4]. Распространение печатной продукции в Тобольске, да и во всей Сибири и России в целом, было, как отмечают исследователи, административным, регламентированным, а нередко и принудительным. Специализированной книжной торговли (книжных лавок) в Сибири во 2-й половине XVIII в. не было. Книгами торговали в так называемых «продажных лавках» наряду с другими товарами (совсем как в XXI в.). В Тобольске этим занимались купцы Сергей Неволин, Павел Мелков, Григорий Дьяконов [5]. Известно, что книги и журналы, изданные Корнильевыми, можно было купить в их типографии.

Однако прежде всего издания Корнильевых распространялись по официальным каналам, то есть при помощи местной администрации. Рассмотрим этот механизм на примере распространения книги И. Петерсона «Краткое описание, составленное из разных известий для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреною или воздушною язвою» (1790). С. Н. Мамеев так описывает этот механизм: «Из 300 экземпляров этого сочинения разослано было в декабре 1790 года Правителем Тобольского наместничества А. В. Алябьевым к капитан-исправникам и городничим 248 экземпляров в переплетах... Остальные 52 экземпляра были переданы Алябьевым в приказ общественного призрения для рассылки из них 50 дополнительно в волостные суды, а 2 экземпляра оставлено в приказе для покупки желающим. Из следовавших 1490 руб. за продажу сочинения, полагая по 5 рублей ассигнациями за экземпляр, предложено было приказу по получении денег 1000 рублей уплатить сочинителю штаб-лекару Петерсону, а остальные деньги причислить в пользу Тобольского приказа общественного призрения» [6]. Добавим от себя, что те, кто книгу получали, обязаны были за нее и за доставку заплатить, что они, собственно, делали не всегда. Попытки Корнильева организовать продажу своих изданий на чисто ком-

мерческой основе, без учета так называемого административного фактора, терпели неудачу. Следует подчеркнуть, что спустя два с лишним века в распространении местных книг мало что изменилось. Связано ли это с неумением книгоиздателей торговать или с иными причинами, сказать трудно. Вопрос этот и в XXI в. остается открытым, нуждается в серьезных исследованиях.

Примечания

1. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 32.
2. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 270.
3. Коновалова Е. Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006.
4. Мамеев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. I / Сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 2004. С. 328, 332.
5. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. I. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 40.
6. Мамеев С. Н. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. I / Сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 2004. С. 328–329.

Сибирь между Иртышом и Иппокреной

Послесловие

В ряду мифов о сибирских первопечатниках особое значение имеет миф о том, что книги и журналы, изданные Корнильевыми, были мало связаны с реальной жизнью и не оставили следа в истории сибирского книгопечатания. У истоков этого мифа – труд П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». Особенно активно историографа П. А. Словцова поддержали областники Н. М. Ядринцев («Сибирь как колония») и П. М. Головачев («Прошлое и настоящее сибирской печати»), мечтавшие, как известно, отделить Сибирь от России и создать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов. П. М. Головачев утверждал, например, что само возникновение типографии Корнильевых – «факт случайный, изолированный, не стоящий ни в какой связи с окружающей действительностью того времени, не влиявший на окружающую жизнь, не оставивший никакого литературного наследства для ближайшего поколения» [1]. В оценке деятельности типографии Корнильевых к Н. М. Ядринцеву и П. М. Головачеву, по сути, примыкает А. И. Дмитриев-Мамонов, сотрудничавший одно время с Н. М. Ядринцевым.

Миф о том, что изданные Корнильевыми книги и журналы не были связаны с жизнью и не оказали влияния на развитие сибирского книгопечатания, не соответствует реально-сти, но его появление было в какой-то степени закономерным. «Тобольские инкунабулы» были не чем иным, как (говоря современным языком) просветительским проектом, частью общероссийского и европейского Проекта Просвещения и именно в качестве такового канули в Лету.

После Корнильевых сибирское книгопечатание развивалось на иных основаниях. Различие особенно очевидно при сравнении репертуара и издательских стратегий Корнильевых и тюменского издате-

*Титульный лист
книги М. Знаменского «Обрыв»*

ля К. Н. Высоцкого, в своих народнических и донкихотских устремлениях служившего каждодневным интересам своих земляков и мгновенно забытого ими сразу после смерти. Геликоны, возведенные тобольскими первопечатниками на берегах Иртыша, были распаханы, в Сибирь пришла железная дорога, на мировом культурном перекрестке прочно обосновалась провинциалка, а с нею – газеты («Тобольские губернские ведомости» начали выходить в 1859 г.), «Уставы», «Отчеты», «Карты-дорожники» и т. п. Однако и в XXI в. не потеряли своего значения идеи и образы сибирских первопечатников о книге-реке и ее мироустроительном мифе, о Сибири как пространстве встречи России и Европы, о мощи, воле и тайне Сибирской Иппокрены.

Примечания

1. Головачев П. М. Прошлое и настоящее сибирской печати (К 200-летию сибирской печати в России) // История сибирской печати XVIII – нач. XX вв.: Хрестоматия в 5-ти книгах. Кн. 1. Сост. Л. С. Любимов. Иркутск, 2004. С. 27.